

18+

Александр Черенов

**ЗАГОВОР ПРОТИВ
ЗАГОВОРА: ГКЧП-3**

КНИГА ПЕРВАЯ

Александр Черенов

**ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗАГОВОРА:
ГКЧП-3. КНИГА ПЕРВАЯ**

«Издательские решения»

Черенов А.

**ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗАГОВОРА: ГКЧП-3. КНИГА ПЕРВАЯ /
А. Черенов — «Издательские решения»,**

ISBN 978-5-00-516621-0

Политический детектив в жанре исторической альтернативы. Опираясь на факты, автор рискнул взглянуть на события августа 1991 года под другим углом зрения. Причина: в истории с ГКЧП обнаруживаются явные следы нескольких заговоров. И каждый из них преследовал свои цели — как и каждый из заговорщиков. В романе в невыдуманной реальности действуют исторические лица и учреждения. Единственная «не охваченная» историками структура — «Организация», нечто среднее между «разведкой партии» и масонской ложей...

ISBN 978-5-00-516621-0

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвёртая	30
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗАГОВОРА: ГКЧП-3 КНИГА ПЕРВАЯ

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0051-6621-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-6622-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

...Он приоткрыл один глаз, и осторожно высунул подбородок из-под одеяла. Глаз медленно съехал на циферблат настенных часов. Стрелки показывали восемь. Августовское утро было не по-летнему свежим, и из приоткрытой форточки тянуло совсем не лёгкой прохладой. Прохлада не бодрила – и вставать не хотелось. Не хотелось даже сладко потянуться, лёжа в постели. К легкомысленным нежностям и физкультурному задору не располагал не столько фактор восьми часов, сколько думы, которые нагрянули сразу же, как приоткрылся второй глаз.

– Миша, ты уже встал?

Голос жены привычно доносился откуда-то из-за двери, с просторов роскошной президентской квартиры. Услышав этот голос, по обыкновению властный и требовательный, он болезненно поморщился – но, «по-русски пожелав» бодрящей прохлады в комнате, тут же выбрался из-под одеяла. Опустив ноги на пол, он привычно нащупал «родные» тапочки.

– Ты не забыл, что у тебя сегодня – ответственный день?

Напоминание не прибавляло оптимизма: супруга не преувеличивала насчёт ответственности – а та не сулила ничего приятного.

– Встал, Раиса Максимовна... И не забыл.

Тяжёлая хозяйская поступь жены стала глуше – и он принялся неспешно одеваться к завтраку. Формат «заочного» общения супругов не удивлял – и не только их, но и всех посвящённых. Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна Горбачёвы – а это их диалог подслушивали стены «высокородной» квартиры и те, кому это было положено по службе – давно уже спали раздельно. Как только супружеская обязанность была исполнена и принесла плоды – в количестве одного и в виде дочери – Михаил Сергеевич уже не смел домогаться у жены физической близости. Правда, он и прежде не слишком её домогался. Ему хватало и духовной близости – и это было главным в отношениях супругов.

При всей своей бесспорной «подкаблучности», Михаил Сергеевич не был классическим подкаблучником. Нет, соответствуя классическому образу, он до смерти боялся жены. Но, в отличие от классики – и дополняя её – он ещё и боготворил Раису Максимовну. С самого первого раза, когда Миша, первокурсник юрфака МГУ, увидел Раю – активистку-второкурсницу, он преклонился перед ней «так искренно, так нежно», что и подумать не мог о чём-то большем, кроме платонического внимания к себе.

За время «продвижения по службе» – а лишь так и можно было охарактеризовать пребывания Горбачёва в партии – над Михаилом Сергеевичем сменилось много начальников: Кулаков, Ефремов, Казначеев, Брежнев, Суслов, Андропов, Черненко. Они были разные, эти начальники, но по степени влияния на подчинённого ни один из них не мог сравниться с «начальником номер один»: Раисой Максимовной. Даже трепетал перед ними Михаил Сергеевич по-разному.

Так, «начальство от КПСС» Горбачёв боготворил по уставу. Нет, не по Уставу КПСС: по неписанному уставу партийной номенклатуры. Этот «устав» позволял изворачиваться, маневрировать, выставлять себя много лучше «оригинала». Иначе говоря: «продвигаться по службе». Это было не только в порядке вещей, но и «модус вивенди» каждого нормального чиновника от КПСС. Больше того: иное поведение вызывало недоверие к товарищу, вплоть до подозрений в его недостаточной партийности. И Михаил Сергеевич усердно соответствовал «нормам морального кодекса» – пусть и не строителя коммунизма. Для этого ему даже не пришлось напрягаться: всё «ингредиенты» чиновника были у него в крови.

С Раисой Максимовной такие номера не проходили. Она знала Михаила Сергеевича, как облупленного, и в любом наряде – хоть ортодокса, хоть демократа – он всегда был перед ней голый. Да Михаил Сергеевич и не пытался «рядиться» перед супругой: это было и беспо-

лезно, и неразумно. Большую часть своей жизни он прожил её умом – и это обстоятельство его нисколько не угнетало. Напротив: статус подчинённого являл собой облегчение и даже благо, поскольку избавлял от необходимости думать самому. В отличие от Раисы Максимовны, Михаил Сергеевич не генерировал собственных мыслей: в этом отношении Господь его серьёзно обделил.

Но жена не только «снабжала» мужа продуктами собственной мозговой деятельности. Она ещё наставила его на путь истинный: сделала собирателем чужих мыслей, которые вполне можно было выдать за свои. Положение сначала первого секретаря крайкома, затем секретаря ЦК по сельскому хозяйству, и, наконец, Генерального секретаря ЦК КПСС дали Михаилу Сергеевичу возможность полностью исключить непроизводительное напряжение мозговых извилин. Исключение... из исключения было лишь одно: «режим безопасности». Поскольку в политике нет друзей, а есть лишь попутчики и временные союзники, Горбачёв вынужден был непрерывно «бдеть». Но даже здесь участие Раисы Максимовны в большинстве случаев было руководящим и определяющим...

...Михаил Сергеевич скосил глаз на выдающийся – но только вперёд – животик, на мгновение задумался на тему «потому что утром рано заниматься физзарядкой мне не лень» – и решительно отверг коварные мысли о физзарядке. Коварных мыслей – в том числе, и на сегодня – хватало и без них. А, уж, о коварных мыслях «перманентного свойства» и говорить было нечего.

Несмотря на всю свою амбициозность и самоуверенность, переходящую – в том числе, и с подачи Раисы Максимовны – в самовлюблённость, Горбачёв иногда оказывался способен трезво оценивать положение. Выводы он, правда, делал специфические и всегда своекорыстные, но исходил из верных посылок. Поэтому уже давно – как минимум, с начала этого, девяносто первого года – он понимал: дело – дрянь. И не только дело страны. Это, как раз, являлось для него «делом десятым». «Дрянь» было его, Горбачёва, персональное дело как давно уже не самостоятельного владыки КПСС и Советского Союза.

К критике положения вещей Горбачёв давно привык. Это его не задевало: он сам был первым критиканом. С критики, быстро перешедшей в критиканство, и началась «перестройка». А, вот, персональная критика – другое дело. Это уже была не та безобидная критика, о которой ещё Леонид Ильич Брежнев на одном из партийных съездов отозвался вполне нейтрально: «Критика – не мёд, чтобы её любить». На такую критику Михаил Сергеевич «клат», «моргал», «плевал» и «чихал».

Но этот случай был не тот... хотя ещё «тот» случай был. Уже не первый год с именем одного человека связывались все беды страны и народа. И имя этому человеку было Михаил Сергеевич Горбачёв. Генсек – теперь уже всё больше Президент – старательно закрывал глаза на факты до тех пор, пока это было возможно. Но момент «вынужденного прозрения» настал. Теперь даже верный Черняев регулярно доносил хозяину: «Толпа ненавидит Вас, Михаил Сергеевич».

Несмотря на крестьянское, пусть и не вполне ясное, происхождение, выходец из народа Горбачёв не любил народ. И «не любил» – это ещё мягко сказано. Он презирал народ: «быдло», «скотов», «хамов», которые оказались не способны постичь величия его замыслов, не говоря уже об их реализации. Нет, во время «хождения в народ» Михаил Сергеевич был само обаяние: простой, доступный мужик, с вызывающим доверие южнорусским «г» и отсутствием даже малейших признаков благородства.

Увы, благородство в Горбачёве отсутствовало не только по линии происхождения. Но плебс, очарованный непривычной доступностью и простотой нового Генсека, догадался об этом слишком поздно для того, чтобы правильно, а главное, своевременно определиться с отношением к этому человеку.

И, всё же, определение состоялось: плебс, ещё вчера рукоплескавший бесконечным фантазиям словоохотливого Генсека, наконец, «определил» Горбачёва. Определил в широком диапазоне: от «безответственного демагога» – до «агента влияния Запада и разрушителя собственной страны». И, ладно, если бы так думала – и говорила – одна толпа. На мнение тех, кто не наделён властными полномочиями и от кого напрямую не зависела его политическая судьба, Михаил Сергеевич привычно «клал», «моргал» и «плевал». Но ведь даже ближайшее окружение, все те, кого он «вознёс и усадил одесную себя» – тоже, понимаешь, начали высказываться! И отнюдь не в духе вчерашнего «одобрямса»!

Что уже было «говорить за разговоры» политических оппонентов! (Про себя, «поборник демократии для наружного применения», Михаил Сергеевич возмущался совсем не по-демократически: «Дожил, мать твою так: челядь оппонирует хозяину СССР!»). Подобные «разговоры» были Горбачёву не в новинку, но в этом году они приняли характер открытого противостояния и даже угроз совсем не шутейного характера.

Так, девятого января ельцинист Лучинский, председатель комиссии Верховного Совета РСФСР по гласности и печати, уже в открытую заявил: «Горбачёв предстанет перед нашим судом, так как многие его деяния предусмотрены УК». Каково: «предстанет перед нашим судом»? И за что?! За то, видишь ли, что «многие его деяния предусмотрены УК»? Это какие, такие, «деяния»? Это «новое мышление» предусмотрено УК?! Это «ускорение с обновлением» предусмотрены УК? Это «гласность» и «больше социализма» предусмотрены УК?! Нет, как вам это нравится, господа... в смысле: товарищи... пока ещё?!

Следом за челядью на «Михал Сергеича» обрушился и сам хозяин. Спустя три недели после шокирующего заявления Лучинского Ельцин потребовал отставки Горбачёва. И не только потребовал, но и определил, за что: «за шесть лет антинародной политики»!

В отличие от начавшихся атак «слева», нападки «справа» и не прекращались. (Благодаря стараниям демпрессы, полюса чудовищным образом поменялись, и теперь ортодоксальных большевиков обзывали «правыми», а антикоммунистический элемент – «левыми»).

Но с наступлением лета и они усилились: даже пора массовых отпусков не снизила ни остроты, ни накала критики. Да это уже и не критика была: всего пару недель тому назад, в первых числах июля трио из Большевицской платформы в КПСС, Марксистской платформы в КПСС и Инициативного движения коммунистов отвергли проект новой Программы КПСС, который был подготовлен Горбачёвым и его советниками. А в самый канун июльского Пленума ЦК тридцать областных парторганизаций выступили за смещение Горбачёва с поста Генсека! Под такой афронт Михаил Сергеевич не мог не прийти к единственному выводу: если это – критика, тогда что же такое «бунт на корабле»?!

Но нападки «справа» – от большевиков-ортодоксов – не пугали Горбачёва. Не пугали оттого, что ортодоксы сами пугались... собственной ортодоксии. Ортодоксальная решительность была не по зубам «ортодоксам от трибун и газет». Эта публика изначально не была способна на решительные действия, а теперь, при отсутствии навыков политической борьбы и переходом стратегической инициативы в руки хорошо организованных демагогов – и давно.

А, вот, утрата поддержки со стороны армии и МВД всерьёз беспокоила Горбачёва. Конечно, верхушка армейского генералитета обоснованно представлялась ему безвольной, податливой и абсолютно предсказуемой. Все эти язвы, моисеевы и пуго были обязаны ему всем. Всем, что имели. Всем, что имели в настоящем. И пусть, с учётом изменившихся реалий, правильнее было бы сказать: «в прошлом», это обстоятельство нисколько не меняло «содержания в форме». Отсутствующего содержания – в казённой форме.

Но, к огорчению Михаила Сергеевича, армейская и «эмвэдэшная» среда не являлись однородными. В ней, как у того Ноя в ковчеге, было «каждой твари – по паре». Неприятностей можно было ожидать, как «слева», так и «справа». «Справа» – от ортодоксов – вовсе показыва-

вали зубы командующий Уральско-Приволжским военным округом генерал-полковник Макашов и заместитель Язова генерал-полковник Ачалов. «Слева» – со стороны Ельцина – не таили своего антигорбачёвского настроения заместитель начальника Генштаба, начальник войск связи генерал-полковник Кобец и политиканствующий «политрук» генерал-полковник Волкогон. Вполне недвусмысленно дрейфовал в их сторону и новый командующий ВДВ генерал-лейтенант Грачёв.

Не обнадеживал и, казалось бы, «надёжный по определению» КГБ. Даже верный ставленник Крючков – плоть от плоти «общего родителя» Андропова – и тот своими высказываниями и отдельными телодвижениями не внушал былого доверия. Больше того: генерал начал «брыкать ногами»!

И, ладно бы – посредством одних только заявлений об отставке! Так ведь нет: с конца прошлого года он непрерывно снабжал Президента-Генсека сплошным «негативом» о положении дел в стране, предлагая для их исправления самые решительные меры! Пусть конституционные – но самые решительные! Посредством введения чрезвычайного положения! И, зная Крючкова, Михаил Сергеевич не сомневался в том, что за словами Председателя КГБ уже стояли конкретные дела.

Но много хуже было то, что за словами Крючкова стояли не только дела: за ними – а заодно и за самим Крючковым – стояли другие люди из ближайшего окружения Горбачёва! Михаилу Сергеевичу очень хотелось думать, что эти «другие» являлись всего лишь отдельными представителями – но это было не так. «Другие» были всеми остальными! Даже – просто всеми! То есть, всем окружением Генсека-Президента!

Как и Председатель КГБ, они не только «дрыгали ногами», в очередь тыча в нос патрону заявления об отставке. Хотя уже одна форма, в которой они делали свой «афронт», была оскорбительной. Не афронт – а натуральное «фэ», которое «наше Вам»! Павлов – сам Павлов, премьер! – заявлял Горбачёву, что в таком бардаке работать не может, и просил освободить его от должности именно «под таким соусом»! И, ладно, если бы Павлов говорил это наедине – а то ведь в присутствии Янаева, вице-президента! Конечно, на мнение Янаева – всегда отсутствующее, за что Михаил Сергеевич и ценил свою «тень» – можно было и наплевать, но важен был сам факт! Сам факт того, что заявление об отставке – в хамской форме! – Павлов сделал не с глаза на глаз, а на людях, пусть и в количестве одного!

Дурной пример оказался заразителен – и вскоре к Павлову присоседились со своими заявлениями даже такие верные паладины «Михал Сергеича», как Язов с Янаевым! Ну, от Павлова, которого сколько ни корми – он всё равно «зубами щёлкает», можно было ожидать и не такой прыти. Но – от Язова?! Но – от Янаева?! Вот, уж, на кого Михаил Сергеевич никогда бы не подумал! Люди, которых он вытащил на самый верх иерархической лестницы фактически из небытия – и те взбрыкнули! И те вздумали казать норы!

Конечно, Михаил Сергеевич не мог не признать, что в доводах «оппозиции от челяди» было немало сермяжной правды. В целом, соратники верно характеризовали общие настроения в стране как весьма скептические по отношению к политическому курсу президента. Демонтаж централизованной федеративной структуры управления страной, как полагали и они, и общество в целом, грозил неконтролируемым развитием центробежных тенденций, следствием чего неизбежно стал бы развал СССР.

Согласен – правда, лишь глубоко в душе – Михаил Сергеевич был и с тем, что новый курс вызвал к жизни не столько новые производительные силы, сколько негативные явления, от спекуляции до теневой экономики, которые де-факто уже стали олицетворением самого нового курса.

Скрепя сердце – и скрипя зубами – Горбачёв принимал на свой счёт и упрёки в том, что развитие страны не может строиться на падении жизненного уровня населения. Да и что тут можно было возразить, если с полок магазинов, и без того не изобилующих разнообразием

товаров, исчезли даже продукты первой необходимости?! О положении дел в той стране, что за пределами МКАД, можно было сказать без преувеличения: «Как Мамай прошёл». А ведь прошёл не Мамай: Михаил Сергеевич со своей перестройкой. Ну, или – «Мамай перестройки». Что уже было говорить за деликатесы, которых от засилья кооперации так и не прибавилось на полках, если даже «народное курево»: «Беломорканал», «Север», «Прима», «Памир», «Астра» и даже шестикопеечная махорка, как исчезли с магазинных полок в мае девяностого, так больше и не появились на них!

Понимал Михаил Сергеевич: объективно наведению порядка нет альтернативы. Порядок наводить нужно. И наводить его нужно безотлагательно и даже жёстко. Иначе нельзя: донельзя разболтанный механизм управления страной можно было починить лишь закручиванием гаек. Хотя бы – на первых порах. И соратники понимали, что президент-генсек понимает и их, и безвыходность положения. Классика: «я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Оттого-то ещё крепче сплывали они ряды вокруг хозяина. Так крепко, что Михаил Сергеевич порой ощущал себя, как во вражеском окружении. Ведь соратники теснили его своими доводами и предложениями так, словно припирали к стене.

«И добились – песня в том порукой...». Двадцать восьмого марта на закрытом совещании у Горбачёва, где присутствовали только избранные от Политбюро и Совбеза, был образован Государственный комитет по чрезвычайному положению. Название предложил сам Горбачёв. (Михаил Сергеевич не ошибся насчёт Крючкова: ещё в декабре прошлого года Председатель КГБ поручил заместителю начальника ПГУ генерал-майору Жижину и помощнику своего первого зама Грушко полковнику Егорову составить перечень мер по наведению порядка в стране в условиях режима чрезвычайного положения).

Возглавил новое образование, разумеется... не Михаил Сергеевич. И то: зачем Генсеку-президенту так откровенно «подставляться»? Для этих целей у него под рукой имелся целый «штат соискателей-конкурсантов», этих «невольников чести» и «заложников доверия». В первую очередь – вице-президент Янаев: «... меня и пригласили за неё», как пел герой Высоцкого. Как самый безликий и безотказный, Геннадий Иванович и был определён в «предбудущие козлы отпущения». Ему же совещание – опять-таки, не Горбачёв лично! – поручило срочно подготовить мероприятия по введению чрезвычайного положения. (Срочность, правда, очень скоро перешла в разряд «плановых мероприятий», выполняемых по-горбачёвски неспешно и размеренно, теперь уже как бы впрок, с закладкой «под сукно» и «в долгий ящик»).

Как и большинству горбачёвских начинаний не разрушительного характера, идее ГКЧП надлежало умереть тихо и безболезненно, в полном забвении и не востребоваемости. Но исключения, пусть даже и подтверждающая правило, случаются и в политике. Случилось оно и с ГКЧП: идея снова была вызвана к жизни. И вызвал её ни кто иной, как сам Михаил Сергеевич. Вызвал, разумеется, сам того не желая. Два года втайне не только от широких масс, но и от узкой прослойки, Горбачёв и «группа товарищей» готовили проект нового Союзного договора. По сути, это был не договор, а приговор. Приговор Советскому Союзу.

Таковым его и увидело ближайшее окружение Горбачёва, которое на этот раз оказалось заодно с народом: подобно ему, оно также было не в курсе. И хотя Горбачёв согласовывал «исторический документ» только с первыми руководителями девяти республик, изъявивших желание «подумать насчёт обновленного Союза», ничто тайное не могло не стать явным. «По определению». Не имело шансов – в условиях «течи» и «бдящего ока товарищей».

Поэтому в тот же день, семнадцатого июня, когда десятка «тайной вечери» довольно потирала ладони в связи с почти обтяпанным дельцем, люди Крючкова доложили Председателю КГБ о том, что randevу состоялось. Вниманию руководителя органов госбезопасности были предложены даже фрагменты «выступлений участников», из которых нетрудно было сде-

лать вывод о том, что «лёд тронулся, господа присяжные заседатели». И «тронулся» он совсем не в ту сторону, которая грезилась соратникам Генсека-президента.

Владимир Александрович не стал играть в лорда-хранителя печати – и тут же поставил в известность министра обороны Маршала Советского Союза Язова и министра внутренних дел генерал-полковника Пуго. Все трое возмутились замыслами «перестройщиков» – как по отдельности, так и «на троих». Возмущения оказалось так много, что его с лихвой хватило и на других товарищей, разделявших их взгляды: всех остальных членов созданного впрок мартовского ГКЧП.

На этот раз Михаил Сергеевич не счёл возможным «оказаться не в курсе». Тем более что в курс его ввели «доброжелатели со всех сторон». Он имел продолжительные (за счёт личных монологов) и очень непростые (за счёт «железобетонных» возражений оппонентов) – беседы тет-а-тет со всеми соратниками-оппозиционерами. Стороны не убедили друг друга – зато убедились друг в друге. Михаил Сергеевич окончательно понял, что другая сторона дрейфует в сторону – и эта сторона находится в стороне от него. В этом же самом – теперь уже применительно к себе – убедилась и другая сторона. Как следствие, обе стороны не пришли к пониманию сообща – зато пришли к пониманию по отдельности. Отныне каждая решила «идти другим путём» – врозь, и добиваться намеченных целей своими методами...

Глава вторая

... Михаил Сергеевич повязал галстук, затянул узел потуже – и, поморщившись, нерешительным движением «отыграл назад». В конце концов, за утренним чаем с женой можно было встретиться и не при полном параде. Встречался же он «без галстука» с «другом Джорджем» и «другом Гельмутом» – и ничего! Да и что тут такого: не в пижаме же он выйдет к столу!

Насчёт пижамы – не для красного словца: Раиса Максимовна терпеть не могла «нарушения формы одежды» даже при встречах наедине. Неблагородное происхождение и скромный рост по службе – всего лишь от библиотекаря до доцента сельхозинститута в Ставрополе – не помешали формированию в этой женщине тяги к распорядку и респектабельности.

(Впоследствии эта тяга дополнилась ещё и тягой к роскоши). Респектабельность экс-библиотекаря оказалась специфического характера: высокие посты мужа ещё больше утяжелили и без того тяжёлый характер Раисы Максимовны. Уже к финишу ставропольского периода карьеры Михаила Сергеевича это была властная женщина из тех, о которых народе говорят: «тяжёлый человек». Как и полагается «тяжёлому человеку», она с лёгкостью меняла прислугу и поваров, вызывая непритворное удивление даже у подкаблучно-беспрекословного супруга.

Но главной жертвой требовательности жены стал, естественно, сам Михаил Сергеевич. Он носил то, что она велела, ходил так, как она велела, говорил так, как она велела – и даже улыбался так, как она велела. Михаил Сергеевич был человеком Раисы Максимовны. Не только в значении «мой человек» или «наш человек»: он был продуктом «индивидуального творчества» супруги. Тем, что она из него сделала. Контрастируя с американским «selfmademan» («человек, сделавший себя сам»), Горбачёв в точности соответствовал определению «bywifemademan»: «человек, которого сделала жена»...

Михаил Сергеевич поприветствовал супругу с добрым утром, поцеловал в щёку – иногда это позволялось – и с тяжким вздохом сел за стол. Раиса Максимовна не стала, подобно среднестатистическим жёнам, молча коситься на него: «не такого воспитания» она была.

– Ты когда встречаешься с ними?

Горбачёв нахмурился.

– В десять. Я хотел в два... ну, ты понимаешь: чтобы побыстрее избавиться от них, сославшись на послеобеденные дела... но они настояли на десяти...

– Дружно? – удивлённо приподняла бровь Раиса Максимовна.

– Дружно.

Вошла горничная. В руках у неё был поднос с кофейником, чашками и «приложением к кофе» из сахара, печенья и свежих булочек. В стремлении к респектабельности на западный манер Раиса Максимовна отказалась от русского чая – и перешла на заморский кофе. Михаил Сергеевич, разумеется, «воспоследовал».

Обслужив «господ» и улыбнувшись в меру дозволенного этикетом и Раисой Максимовной, горничная удалилась. Сделав «благородно экономный» глоток, «первая леди» отставила чашку в сторону.

– И кто усердствовал больше всего?

Михаил Сергеевич медленно отнял чашку от губ.

– Все хороши... Но Крючков и тут – вне конкуренции. А ещё – Павлов... Экономист хренов... Извини, Раиса Максимовна.

Как и должно подкаблучнику, Горбачёв никогда не обращался к жене только по имени – всегда: «Раиса Максимовна». Ну, а Раиса Максимовна – как и должно «владелице каблука» – вольна была варьировать имя супруга в диапазоне от «Миша» до «Михаил».

– Павлов?..

Раиса Максимовна внимательно посмотрела на мужа.

– Да, понял я, – болезненно поморщился Горбачёв. – Я уже предпринимаю кое-какие шаги...

– Не посоветовавшись мной?!

В одно мгновение взгляд и голос супруги Генсека переменялись с только что доброжелательного на почти негодующий. Но на этот раз Михаил Сергеевич почему-то не испугался. Он даже улыбнулся супруге – и не виновато, а широко и дружелюбно, как она и учила его в своё время.

– Никакой самодеятельности, Раиса Максимовна – если ты об этом. Всё – в русле твоей установки на временное замирение с Ельциным...

Вероятно, эмоции настолько переполняли Горбачёва, что он не смог удержаться избранной линии – и лицо его перекосило злостью.

– Какой же он, всё-таки, подлец! Что ни выходка – то против меня! Ну, вот, зачем он вылез с этой департизацией?! Разве это – не в мой огород камень?! Я и так вишу в партии на волоске! На очередном съезде я уже не смогу отбиться так запросто, как в прошлом году.

– Неужели всё так серьёзно? – непритворно встревожилась Раиса Масимовна.

– Более, чем. По сути, вопрос с моим секретарством уже решён. Потому что фактически решён вопрос с созывом Двадцать девятого чрезвычайного съезда. Сейчас решается вопрос с моим членством в партии. И, если большевики сыграют на опережение, как говорят футболисты... ну, если съезд пройдёт... раньше определённых событий, то это исключение может нанести нам с тобой непоправимый ущерб. Отделаться от партии так легко, как это сделали Яковлев и Шеварднадзе, не говоря уже о Ельцине, я не сумею... Вернее, мне не дадут...

Возглас негодования из уст Михаила Сергеевича прервал размеренное течение минора.

– А этот мужлан вылезает со своей инициативой! Как будто не понимает: ну, несвоевременно же! Ведь одно дело: хотеть навредить мне – и совсем другое: навредить себе! Элементарно ведь: не станет меня – и тут же не станет Ельцина! Ортодоксы не ограничатся только моей личностью! А за этим болтуном – никакой серьёзной поддержки! Ни в армии, ни в КГБ, ни в МВД! Я – единственное сдерживающее начало! Без меня силовики-консерваторы давно бы уже совершили переворот!

Горбачёв поморщился и с отвращением хлебнул из чашки: кофе он так и не полюбил, и «принимал» его только из угождения супруге.

– Ну, это – по партийной линии, – осторожно выглянула из-за чашки Раиса Максимовна. – А что – с президентством? Что – Верховный Совет?

– Немногим лучше, – махнул свободной рукой Горбачёв. – Лукьянов портится с каждым днём. Того и гляди, соберёт Верховный Совет – да и скинут меня.

– Как это?! – побледнела Раиса Максимовна.

– Очень просто. Консервативным силам даже не нужен переворот: съезд уберёт Горбачёва из партии, а сессия Верховного Совета – с поста Президента...

– Каким образом?! Миша, говори проще – не на трибуне!

Михаил Сергеевич вздохнул, и стараясь не перебирать с иронией, осторожно, с лёгким упреком во взгляде, покосился на жену.

– Раиса Максимовна, в Законе «Об учреждении поста Президента СССР» есть такая статья: сто двадцать семь. А в ней есть пункт восемь. Так, вот, этот пункт я за последние дни выучил наизусть. Не от хорошей жизни, разумеется, а потому что он гласит – цитирую дословно: «Президент СССР обладает правом неприкосновенности и может быть смещён только Съездом народных депутатов ССР. Инициатива постановления может исходить и от Верховного Совета, с учётом заключения Комитета конституционного надзора»... Ты понимаешь, что это значит?

Губы Раисы Максимовны загуляли друг по дружке.

– Понимаю...

В отличие от Генсека-президента, его жена соображала быстро – и момент «понимания» не продлился дольше... момента: глаза «первой леди» тут же сузились до размера щёлочек, а взгляд обледенел.

– Значит, надо пресечь эту авантюру на корню! Надо обезопасить себя от любых поползновений со стороны Лукьянова!

– Я уже продумываю этот вопрос, – многозначительно улыбнулся Горбачёв.

– Только продумываешь?!

– Виноват, – тут же перестал улыбаться Михаил Сергеевич. – Уже прорабатываю. И поверь, Раиса Максимовна: это – не маниловские прожекты. Никаких даже аллюзий. Вопрос – судьбоносный.

Горбачёв взглянул на часы, салфеткой обмахнул губы – тоже уроки жены – и встал из-за стола.

– Ну, мне пора.

– Я тебя провожу.

В коридоре Раиса Максимовна «интеллигентно» приложилась губами к щеке мужа.

– Будь с ними построже. Жду тебя со щитом...

...Горбачёв поднялся на «свой» этаж – и недовольно нахмурился: на горизонте у дверей его приёмной отчего-то не виделось толпы избранных. Приглашённые не жужжали в приёмной, как шмели у Гоголя в «Ревизоре», не выходили покурить в коридор, и не тряслись полуслёпотом голосовыми мембранами. «Оскорбление Величества» было налицо.

Михаил Сергеевич быстро вошёл в кабинет, на ходу бросив вскочившему на ноги Болдину:

– Зайди!

Горбачёв ещё не успел подойти к столу – а Болдин уже раболепно тянулся у дверей.

– В чём дело, Валера?!

Михаил Сергеевич раздражённо шлёпнул папкой по столу.

– Где... все эти?

Пятидесятишестилетний «Валера» – член ЦК и кандидат наук с двумя высшими образованиями – виновато отзвенел челюстями.

– Так ещё – десять минут, Михаил Сергеевич...

Болдин выразительно скосил глаза на настольные часы.

Горбачёв недовольно поморщился: не привык к оппозиции даже по мелочам. Хотя винить он мог лишь себя, ибо сам был виноват: смолоду не заступал на службу ни досрочно, ни сверхурочно. В этом отношении он был верным учеником и последователем Михаила Андреевича Сулова: тот, как штык, не смотря ни на какие «коврижки», в девять прибывал, в восемнадцать отбывал. А всему виной – Никита Сергеевич: «Тот, кто задерживается на работе после шести, ничего не делал в рабочее время!».

– Ладно, иди, паси их. Как заявятся – сразу же ко мне!.. Вольтерьянцы хреновы!

Не глядя на строевой разворот с прогибом Болдина, Михаил Сергеевич энергично опустился в кресло. Рука его привычно дёрнулась за папкой с ежедневным докладом о ситуации в стране – но папки на месте не оказалось. Из этого – с достоверностью в сто процентов – следовало, что Крючков основательно подготовился к заседанию. Наверняка, Председатель КГБ заявится вместе с «бомбой». Горбачёв водворил руку на место и задумался. Но мысли не приходили. Зато тревожных предчувствий было, хоть отбавляй. И, если из рук ничего не валилось, то лишь потому, что ничего в них и не было.

Объяснялось всё очень просто: настроение. Настроение было совершенно не рабочим. По двум причинам сразу. Одна была приятная: завтра – в отпуск, другая – ... другая: окружение президента активизировалось, наглядным доказательством чего являлось предстоящее заседание. Да, собирал его президент, у себя в кабинете, в избранном лично им составе,

но это решение было вынужденным. Оно диктовалось не столько традицией, согласно которой временно отбывающий лидер наставлял «остающихся на хозяйстве». Горбачёв вынужден был согласиться на это заседание: настолько сильным и упорным оказалось давление «верных соратников».

Неслышно приоткрылась дверь: у Михаила Сергеевича имелось немало мастеров, но Болдин был лучшим. Только он мог настолько искусно открыть дверь и просочиться в неё, чтобы не скрипнул ни один сустав у них обоих: ни у двери, ни у Болдина.

– Все – здесь, Михаил Сергеевич.

– Зови, – артистическим жестом отнял руку от подбородка Горбачёв: «весь – в заботах». – И сам присоединяйся.

Болдин исчез – и в кабинет гуськом пошли избранные. На ходу бросая в Горбачёва полукислые слова приветствия, они «в произвольном порядке» расселись за длинным столом для заседаний. Только «демократически-произвольный» – для телевизора – порядок оказался совсем не произвольным: ранжир КПСС всё ещё оставался «священной коровой».

С выражением мучительного нежелания отрываться от дел ради пустяков, Горбачёв встал из-за письменного стола и неспешно проследовал к столу для заседаний, где и возглавил его.

– Все?

Глаз Михаила Сергеевича поехал по лицам избранных: вице-президент Янаев, премьер-министр Павлов, заместитель Председателя Совета обороны при Президенте СССР Бакланов, министр обороны Язов, Председатель КГБ Крючков, министр внутренних дел Пуго. Замыкающим – в том числе, и стол – оказался начальник аппарата Президента Болдин.

– Все, – сам же и «утвердил список» Горбачёв. Только насчёт «всех» Михаил Сергеевич лукавил: «всё» были... не все. Список оказался неполным: отсутствовал секретарь ЦК КПСС Шенин. И Павлов, и Крючков настаивали на приглашении Олега Семёновича, но Михаил Сергеевич отстоял собственное мнение... об этом человеке. А оно было исключительно негативным: Шенин представлялся Горбачёву самым неуправляемым (неподдающимся дрессировке) членом Политбюро и секретарём ЦК. Именно от этого человека, в представлении Михаила Сергеевича, исходила наибольшая угроза организованного непослушания Президенту.

Кроме того, не пригласив «лицо партии», Михаил Сергеевич хотел лишний раз показать ЦК и Политбюро, что отныне вопросы управления государством – прерогатива законодательной и исполнительной власти. Раньше за такой показ Горбачёву самому показали бы всё – от «кузькиной матери» до «мест, куда Макар телят не гонял» включительно. Но сейчас, по мнению Генсека-президента, было самое время наглядно продемонстрировать этим, пока ещё товарищам, кто тут есть «ху».

– Завтра я отбываю на отдых.

– «Я уезжаю в дальний путь, но сердце с Вами остаётся»...

– Не понял?

Горбачёв моментально пошёл на голос... и его обладателя. Обладатель «почему-то» не «полез под лавку»: премьер-министр Павлов – завзятый интеллигент и библиофил.

– Лопе де Вега, Михаил Сергеевич, – усмехнулся Павлов. – «Собака на сене».

– Надеюсь, это – не намёк? – угрожающе сдвинул брови Горбачёв.

Лучше бы он этого не делал: реакция оказалась настолько заслуженной и адекватной, что «в общем хоре» иронических усмешек поучаствовал даже маршал Язов – этот «Собакевич в мундире», как его представляла себе интеллектуальная элита Москвы. Оценив дружный афронт, Михаил Сергеевич по минимуму сконфузился: всё ему – «плюй в глаза – Божья роса» – и начальственно похлопал ладонью по надраенной столешнице.

– Итак, завтра я отбываю на отдых. За меня на хозяйстве остаётся, как и предусмотрено законом, второе лицо государства: вице-президент Янаев.

Глаза присутствующих дружно обратились на «виновника торжества»: так положено. Геннадий Иванович моментально отреагировал верноподданным поклоном в сторону Горбачёва.

– Но мы собрались не только для того, чтобы я озвучил азбучные истины. Думаю, все согласны с тем, что страна вступает в новый этап своего исторического развития.

– Или катится к финишу...

– Кто это сказал?! – вскинулся Горбачёв, хотя прекрасно видел и слышал автора.

– Я это сказал, – не испугался сидящим вторым по левую руку от Горбачёва Бакланов. Михаил Сергеевич немедленно принялся есть нарушителя страхолюдными глазами, но тот не уёдался. Олег Дмитриевич был крепкий орешек: ровесник Горбачёва, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, классный инженер-приборостроитель, один из столпов оборонной промышленности СССР, в недавнем прошлом – министр общего машиностроения.

– И почему ты так думаешь?

Горбачёв решил перед отпуском «не портить зубы», но «костяшку в дебит» строптивцу в памяти отложил.

– Проект так называемого «Союзного договора», Михаил Сергеевич.

– Так называемого?!

– Да, так называемого. Потому что этот договор вбивает последний гвоздь в крышку гроба Советского Союза.

Лицо Михаила Сергеевича покрылось красными пятнами. Ещё два-три года назад он показал бы этому наглецу, где раки зимуют! Хотя – нет: два-три года назад этого наглеца и не существовало бы! Тогда все знали устав и своё место в нём!

– Кто ещё так думает?

Необходимости считать голоса не было: поднялись руки всех присутствующих. Даже верноподданный Болдин – и тот поучаствовал в «вотуме недоверия» Президенту.

– Хорошо, – скрипнул зубами Горбачёв: несмотря на заявление, ему было совсем не хорошо. – Я мог бы привести тысячу доводов против, но не буду этого делать. Тем более что вопрос решён.

– В предварительном порядке, – куда-то в сторону от Горбачёва – явная демонстрация неуважения – выдал Павлов.

– Объясни! – сделал очередной «тык» Горбачёв: он не умел обращаться к подчинённым «на Вы», и считал поголовное «тыканье» делом обыденным, в порядке вещей.

– Извольте, – спокойно двинул плечом очередной возмутитель спокойствия. – Пять дней назад, двадцать девятого июля, Вы встречались в Ново-Огарёве с Ельциным и Назарбаевым. Несмотря на конфиденциальный характер встречи, это – секрет Полишинеля.

– Кого?!

– Полишинеля, он же Пульчинелло, он же Петрушка. В старину, в ярмарочных балаганах этот кукольный персонаж появлялся в райке перед многолюдной толпой со своей знаменитой фразой: «Скажу вам по секрету...». Полагаю, Вы – в курсе, Михаил Сергеевич?

Переживая очередной «фэйсом об тэйбл», Горбачёв болезненно поморщился.

– Ближе к теме!

– Вы втроем наметили подписание договора на двадцатое августа. Вчера Вы озвучили эту дату в телевизор, а сегодня текст Вашего телеобращения опубликован в «Правде».

– Тоже мне, «открыл Америку»! – усмехнулся Горбачёв. – Как это ты говоришь: «секрет Полишинеля»... Ну, озвучил, ну опубликовали! И что?

Обычно мягкие, как у плюшевого медвежонка, черты лица Павлова моментально огрубели.

– Нельзя так, Михаил Сергеевич! Нельзя втроём, келейно решать судьбу трёхсотмиллионной страны!

– Эмоции! – раздражённо махнул рукой Горбачёв. – Конкретные предложения есть?

– Референдум по Союзному договору! – решительно вклинился Бакланов. – Всесоюзный и общенародный!

– Зачем? – красиво приподнял бровь Горбачёв, словно танк – орудийную башню, поворачивая голову к «наглецу».

– Затем, что этот Ваш...

– Мой?!

– Ну, не наш же!

Горбачёв криво усмехнулся и покачал головой: «заговор, бунт, измена!».

– Ну, и что «этот Ваш»?

– Этот Ваш договор противоречит результатам общенародного референдума по вопросу сохранения СССР от семнадцатого марта! Почти восемьдесят процентов населения проголосовало за сохранение СССР – а теперь этот факт, значит, «по боку»?!

Пальцы Горбачёва хаотично забегали по столешнице: давно ему не приходилось иметь дело с таким натиском формально своей команды. Белокожее лицо его совсем замазало краской.

– Этот вопрос обсуждался в Верховном Совете... Верховный Совет одобряет проект... Лукьянов – тоже.

– Это не соответствует действительности, Михаил Сергеевич.

Глаза президента – отдельно от лица – рванули в сторону Крючкова.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что вопрос Союзного договора Верховным Советом не обсуждался, а Лукьянов категорически против его редакции.

– Откуда тебе известно мнение Лукьянова, если он – на Валдае?

Голос Михаила Сергеевича уже начал звенеть от злости: не таким он представлял себе это заседание. Он рассчитывал в начальственной манере озадачить товарищей «в общем и целом»: всем и ничем конкретно – и объявить повестку дня исчерпанной. И вон, что получилось! Нет, он не исключал оппозиции, но совсем небольшой, домашней, почти комнатной. А встретиться пришлось, если не с заговором, то с настоящим бунтом! И как встретиться: грудью – в грудь, лицом – к лицу! Ну – как «в штыковую»!

– Откуда известно?

Крючков усмехнулся – совсем не почтительно к хозяину кабинета.

– От Шенина. Если бы Вы, Михаил Сергеевич, согласились с нашим предложением позвать его на это заседание, он во всех подробностях рассказал бы нам о телефонном разговоре с Председателем Верховного Совета.

– Фу-у-у! – демонстративно шумно, даже картинно, выдохнул Горбачёв. – Ну, навалились!

На лице президента играла добродушная улыбка. Обстановка за столом мгновенно разрядилась: никто лучше Михаила Сергеевича не умел гасить эмоции и сглаживать противоречия. По части удушения конфликтов в зародыше президент не знал себе равных. К сожалению, это касалось лишь конфликтов внутрикремлёвского характера.

– Михаил Сергеевич, ну, Вы же не хуже любого из нас знаете ситуацию! – первым обрадовался благотворной перемене с Горбачёвым Крючков.

– Лучше! – добродушно «отредактировал» Горбачёв. – Лучше любого из вас по отдельности – и всех, вместе взятых!.. Кстати, ты сегодня не представил мне папку с докладной и обзором.

– Я хотел лично, Михаил Сергеевич.

Извиняясь и заверяя «в одном наборе», Председатель КГБ молитвенно обложился руками.

– Могу – прямо сейчас!

– Не надо!

Горбачёв поморщился, и нетерпеливо защёлкал пальцами.

– Дай сюда!

Крючков немедленно передал папку – и Михаил Сергеевич углубился в чтение. «Углубился» специфически – посредством «забега по верхам»: скользнув глазами по тексту сверху вниз. Но на последней строке Генсек-Президент задержался – и лицо его непритворно поседело.

– Опять ты – со своим чрезвычайным положением...

– Не со своим, Михаил Сергеевич!

Крючков «не по уставу» перегнулся через стол, не по возрасту энергично подавшись в направлении Горбачёва.

– С нашим!

Поправка была существенной: ведь даже кандидатуры членов ГКЧП ещё тогда, в марте, утверждал лично «Михал Сергеич». И Горбачёв опять загулял пальцами по столу. Ожидая «высочайшей резолюции», избранные во все глаза смотрели на вождя. Положение «Михал Сергеича» было незавидным, ибо выбор был невелик: или – «да», или – «нет». Правда, зная Горбачёва, никто из присутствующих не исключал и «промежуточного варианта»: «и не то, чтобы «да» – и не то, чтобы «нет».

Наконец, пальцы Михаила Сергеевича нагулялись вволю.

– Да, ситуация – трудная...

Горбачёв настолько мастерски изобразил процесс раздумий, что едва ли не посрамил роденовского «Мыслителя».

– В её оценке как трудной... даже исключительно трудной... я с вами полностью согласен. Для её урегулирования мы пойдём на всё, включая введение чрезвычайного положения... Видимо, без чрезвычайных мер обойтись не удастся... Геннадий Иванович!

Задремавший под убаюкивающий голос вождя, Янаев встрепенулся, и едва не вскочил на ноги. Испуганным взглядом он напоминал сейчас нашкодившего школяра, которого суровый учитель застиг «in flagranti delicti»: «на месте преступления». Правда, этот товарищ и «в мирное время» ничем не напоминал собой персонажа «Марша буденовцев»: «Мы все – бесстрашные герои, и вся-то наша жизнь есть борьба».

– Да, Михаил Сергеевич?

– Помнится, я поручил тебе... то есть, тебе было поручено Советом обороны... всеми нами... проработать детали и механизм чрезвычайного положения. Ты также должен был подготовить свои предложения. Ну, и как: проработал?

– Проработал, Михаил Сергеевич.

– Подготовил?

– Подготовил, Михаил Сергеевич.

– Докладывай!

Дрожащими руками Янаев расстегнул кожаную папку, вынул из неё одинокий листок – и тот завибрировал в пальцах вице-президента. Вослед листку завибрировал и голос «докладчика».

– Я предусмотрел... мы предусмотрели... предусматривается четыре варианта введения чрезвычайного положения. Вариант первый: ЧП в Москве и некоторых других регионах.

– Перечень регионов?

Дрожащие пальцы Янаева вновь завибрировали в направлении папки, но Горбачёв великодушным жестом «дал отбой». Вице-президент не слишком элегантно проглотил комок в горле – и задышал ровнее.

– В перечень входят наиболее проблематичные... в настоящем времени... регионы. Он, конечно, может... и будет пополняться за счёт новых очагов напряжённости... Это – что касается первого варианта...

Глаза вице-президента вернулись к листку.

– Теперь – вариант номер два: чрезвычайное положение – по всей стране... Ну, чтобы всем – так всем...

– Убедительный довод, – покривил щекой Горбачёв. – Коротко и ясно!.. Дальше!

От президентской иронии вкупе с командирским голосом Янаев вздрогнул, как от удара хлыстом: «устав» товарищ знал назубок.

– Третий вариант, Михаил Сергеевич – это прямое президентское правление в столице и отдельных территориях.

– «Прямое президентское правление»?

Лицо Горбачёва изобразило неподдельную заинтересованность: идея «показалась» Генсеку.

– Да... пожалуй... И звучит как-то... более мирно, что ли... Не так угрожающе...

Тут же на контрасте с мажорным заявлением лёгкое облачко накрыло президентское чело – и заинтересованность кончилась.

– Да, но правление-то – президентское... Да ещё – прямое... Значит, все останутся в стороне – а шишки на меня повалятся?.. Нет, тут надо ещё крепко подумать...

Вряд ли кто из присутствующих сомневался в этот момент в том, что Михаил Сергеевич уже «крепко подумал». Всё, что касалось «личной безопасности» – в отличие от всего остального – не откладывалось Горбачёвым «в долгий ящик».

– Четвёртый вариант, насколько я разбираюсь в логике – то же самое, но уже по всей стране?

– Совершенно верно, Михаил Сергеевич.

Янаев отклеил взгляд от шпаргалки – и преданными глазами уставился в президента. Несколько мгновений тот «отсутствовал в себе»: примерял варианты. Тоже – к себе. Наконец, Горбачёв вернулся на лицо заждавшегося «вице».

– Ну, хорошо... В смысле: пусть пока полежит... У тебя...

Михаил Сергеевич, конечно, не мог не заметить, как от этих слов иронически покосились лица Павлова, Крючкова и Бакланова, всё активнее проявлявшихся в качестве «лидеров оппозиции». Доставлять им удовольствие «нашим ответом Чемберлену» Михаил Сергеевич не захотел: и так всё время – «на линии огня». Поэтому, хоть он и не мог не заметить, а «не заметил». Логика его рассуждений была простой: авось, заметив, что президент «не заметил», «бузотёры» утихомятятся и свернут наступление. Но он ошибся. Отцепив ухмылку, Павлов не отцепился от вождя.

– А как – насчёт Союзного договора, Михаил Сергеевич?

– Ну, как Вы не понимаете! – не удержавшись линии, взорвался Горбачёв. Взорвался «по совокупности преступлений оппозиции». Потому что накопилось. Потому что «достали».

– Чего мы не понимаем? – дерзко не испугался Павлов.

– Того, что у нас нет выбора! Если мы не подпишем этот договор в августе, в сентябре республики, всё до одной, разбегутся, кто куда! И не будет даже такого Союза... не совсем Союза... но – всё-таки!

Полагая, что сокрушил противником текстом, Михаил Сергеевич ринулся добивать его глазами. Но Павлов «выжил» – а «огнедышащий взгляд» президента лишь закалил его оппозицию, как ту сталь – булатом.

– Михал Сергеич, Вы переставили местами причину и следствие. Республики действительно разбегутся, но не без этого договора, а вследствие него! Потому что Союз развалит не отсутствие нового договора – а такой договор. «Проект Союзного договора» – это не проект союзного договора. Это даже не проект договора о конфедерации на швейцарский манер. Это – лишь форма упорядоченного развода. Никакого союзного государства этот проект не создаёт и не закрепляет. Он лишь узаконивает ликвидацию федеративного государства.

– Я подпишу договор, чего бы это мне не стоило!

Прекращая дискуссию, Горбачёв начальственно окаменел лицом – и доработал «момент личного руководства» кремлёвским статусом и «римским статуем».

– И вся демократия! – хмыкнул Павлов, явно не собираясь уступать последнего слова президенту. – Только уважаемый Михаил Сергеевич забывает, что есть ещё Верховный Совет, его сессия и Съезд народных депутатов. А они вряд ли будут в восторге от келейного приговора стране...

Это уже было слишком – и под кожей на лице Горбачёва ходуном заходили желваки. Он вскочил с места – и не для большего эффекта: не смог усидеть от такой наглости. Глаза его заскользили по лицам «соратников», но приоткрывшийся для резкой отповеди рот вдруг закрылся, чтобы тут же открыться уже для другого текста.

– Товарищи, у меня сегодня ещё много дел...

Это было неправдой, но иного способа прекратить дискуссию, уже всю принимавшую опасный характер, Горбачёв попросту не нашёл.

– ... А завтра я всех жду в Шереметьево.

Под общий минорный выдох народ загремел стульями.

– Владимир Александрович!

Оклик – больше окрик – Президента «застал» Крючкова уже у двери. Председатель КГБ обернулся.

– Задержись!

Горбачёв многозначительно постучал пальцем по крючковой папке.

– Есть вопросы...

Глава третья

...Насчёт сегодняшнего «обилия дел» Горбачёв соврал: дела были вчера. Вернее: одно дело. Зато – какое: Михаил Сергеевич конфиденциально встречался с Ельциным. Встреча, конфиденциальная и даже нелегальная, состоялась в «легальном» Кремле. Ничего предосудительного в этом не было: встречались два президента. Для обсуждения «актуальных проблем современности». Формально – никаких претензий.

Но – лишь формально. Настоящим поводом для встречи, инициатором которой выступил Горбачёв, явилась записка Крючкова, переданная Михаила Сергеевичу главой КГБ из рук в руки, без свидетелей и «сдал-принял». Лейтмотивом записки, грамотно составленной и «железно» обоснованной, был убойный: «Заговор демократов готов. Выступление запланировано на сентябрь текущего года».

Записка была вручена Горбачёву третьего дня – но реагировать сразу он не стал. Прежде всего, Михаилу Сергеевичу нужно было посоветоваться с Раисой Максимовной: последнее слово всегда оставалось за ней. Впрочем, как и первое. Как она решила бы – так бы он и поступил.

Ознакомившись с запиской, Раиса Максимовна приняла решение сразу же: Мише нужно безотлагательно встретиться с Ельциным. Встретиться – и объяснить ему, что эта демократическая затея – чистой воды авантюра. И не только потому, что «самостийным вождём» и «народным трибуном» Ельцин может быть лишь при ненавистном Горбачёве. Не менее важным обстоятельством было и то, что Горбачёв сам «балансирует на грани»: консервативный элемент в руководстве страны уже не считал нужным таить свои коварные планы. Поэтому Ельцину следовало не умышлять против Горбачёва, а действовать сообща. Против общего врага.

– Всё это ты ему и расскажешь, – совсем даже не попросила Раиса Максимовна. – Записку можешь показать – если он спросит, откуда тебе известно о планах демократов. Хотя, вряд ли он спросит: не такой, уж, он и дурак.

Раиса Максимовна ещё раз пробежала глазами записку – и задумалась.

– Ну, этой бумаге, я полагаю, можно доверять... А, вот – Крючкову?

Резко контрастируя с озабоченностью супруги, Михаил Сергеевич улыбнулся, как на плакате.

– Всё – под контролем, Раиса Максимовна. Можешь мне верить. Все члены руководства старательно информируют меня друг о друге – и Крючков не исключение. Причём, делают они это не из корыстных побуждений – а считая меня своим единомышленником и вождём.

– Ты говоришь об этом... как его... Чрезвычайном Комитете?

– О Государственном комитете по чрезвычайному положению. Сокращённо – ГКЧП. Создан ещё в марте. Всё моё окружение – его члены.

А возглавляет это дело Янаев.

– Правильно, что не ты, – одобрила Раиса Максимовна. – И что – ГКЧП?

Михаил Сергеевич ухмыльнулся.

– Они «душили» меня уже тогда. Ну – в марте.

– На предмет?

– Ну, чтобы я согласился на введение чрезвычайного положения. Но мне удалось вывернуться – и превратить это безотлагательное мероприятие в заготовку впрок. Тогда же, в марте, Совет Обороны – не я лично! – поручил Янаеву подготовить варианты и перечень мероприятий. Всё уже готово. Готовы и сами члены ГКЧП... Вернее: думают, что готовы.

Ухмылки на лице Горбачёва прибыло – как того «нашего полку».

– Ведь их готовность – производная от моей. Даже больше: прелюдия к моей готовности...

– А ты не переоцениваешь себя?

Только супруга могла «приложить» Генсека-президента так беспардонно и так эффективно, чтобы он «погас» в одно мгновение. Как следствие, ухмылкой на его лице уже и «не пахло».

– Да, всё, как будто – под контролем...

Заверения мужа не успокоили Раису Максимовну.

– Они хотят тебя скинуть?

Михаил Сергеевич нахмурился ещё больше: номер с успокоением не прошёл. С самоуспокоением – тоже.

– Они хотят моим именем объявить ЧП.

– Для чего?

– В том числе – и для того, чтобы не допустить подписания нового Союзного договора.

Злость «воскресила» президента – и голос его зазвенел. Михаил Сергеевич не выдержал – и, «нарушая устав», нервно зашагал по комнате.

– Если не подписать этот договор сейчас, уже в сентябре-октябре Союз развалится сам! И мне, в таком случае, «светит» один с ним конец! А в новом Союзе у меня есть шанс сохранить руководящее кресло! Конечно, и объём полномочий, и объём реальной власти будет уже не тот, что даже сейчас – но и что-то всегда лучше, чем ничего! А ведь эти... ГКЧП... они не исключают возможности исключить меня...

– В самом деле?! – побледнела Раиса Максимовна.

– Да, – печально оборонил голову Михаил Сергеевич. – «Соратники» хреновы!.. А тут ещё этот Ельцин со своими нападками!

– Погоди, погоди!

Ладонь Раисы Максимовны нервно пробежалась по подбородку.

– А эти... ну, которые ГКЧП – что они планируют делать в рамках этого чрезвычайного положения?

– Всё, что предусмотрено законом.

Поскольку от заявления «несло трибуной», Михаил Сергеевич – для иллюстрации и «популяризируя» текст – сверх норматива задержался глазами на лице Раисы Максимовны.

– И даже – много больше.

– Ты хочешь сказать, что...

Раиса Максимовна скосила глаза на записку.

– Да, – махнул головой Горбачёв. – Конечно, в первую очередь речь может идти только о пресечении антигосударственной деятельности и изоляции отдельных лиц. Но дальше – по обстановке... А ты сама понимаешь: в таком деле не бывает полумер и разумной достаточности. Так, что, головы будут лететь налево и направо...

– А твоя?

Михаил Сергеевич не слишком уверенно двинул плечом.

– Вначале рубить должен я. Так думает ГКЧП. Ну, а потом...

Совсем даже не театральный вздох из груди президента разорвал предложение надвое.

... всё может быть. Пока они рассчитывают на то, что я примкну и даже возглавлю этот ГКЧП. Пока эти деятели только обрабатывают меня. Так сказать, «доводят до готовности».

– А, если ты «не дозреешь»?

– Ну, тогда они обойдутся без меня.

С последней нотой обречённости в голосе супруга Раиса Максимовна не смогла усидеть на месте. Около минуты она медленно ходила по комнате: не женщина – «Сталин в юбке». Наконец, взгляд её умных и безжалостных глаз прояснился.

– Миша, а какой тебе видится, как сказал бы Станиславский, твоя сверхзадача?

– Не бином Ньютона, однако! – ухмыльнулся Горбачёв: Булгакова он, естественно, не читал, но «слышал звон». От жены. – Остаться во власти, естественно. На самом верху.

– Правильно. Отсюда – твоя задача на текущий момент?

Словно удивляясь вопросу, Горбачёв смешно выдул губы.

– Элементарно, Раиса Максимовна: обезопасить себя со всех сторон.

– Верно, – потеплела глазами супруга: не часто Миша радовал её самостоятельными мыслями, да ещё здоровыми. – И что ты должен сделать для этого?

– Встретиться с Ельциным? – на всякий случай, подстраховался вопросительным знаком Горбачёв.

Раиса Максимовна утвердительно кивнула головой.

– А ещё ты должен сделать всё для того, чтобы выхолостить этот ГКЧП до кожи! Чтобы он оказался пустым, как барабан! Чтобы в нём не осталось ни капли практического содержания! Чтобы в нём остались лишь одни безвольные фантазёры, не способные на решительные действия!

Указательный палец правой руки супруги многозначительно уткнулся вверх.

– И чтобы твоё имя никак не увязывалось с этим ГКЧП!..

...С Президентом СССР Ельцин встречаться не хотел – и не только в Кремле, а даже на нейтральной территории. Слишком «глубока» была его «симпатия» к тому, кто дважды за какую-то пару лет «вытер об него ноги». Но едва лишь Горбачёв намекнул на записку Крючкова, Борис Николаевич тут же отказался... от отказа.

Уже через полчаса «от договорённости сторон» Болдин с поклоном распахивал дверь перед высоким гостем из «Белого дома». Согласно уговору, «высокий гость» прибыл один: сопровождавший его начальник охраны Коржаков, как не политик, а всего лишь «бронези-лет вождя», «в зачёт» не шёл. Едва только Ельцин перешагнул порог горбачёвского кабинета, Михаил Сергеевич сделал «увольняющий знак» Болдину – и, навесив на лицо фальшивую улыбку, двинулся навстречу гостю с протянутой для рукопожатия рукой.

– Рад видеть тебя, Борис!

– Николаевич, – не поспешил обрадоваться Ельцин. Но Горбачёв «в бутылку не полез»: напротив – даже избавился от маски непритворной радости.

– Проходи, садись.

В развалку, на манер биндюжника подходя к т-образной приставке к президентскому столу, Ельцин грузно опустил раздобревшие чресла на мягкий стул. Горбачёв не стал изображать величие – и «доверительно» сел напротив.

– Борис... Николаевич, я буду прям.

Взгляд Ельцина, равнодушно скользивший по стенам президентского кабинета, медленно остановился на лице Горбачёва.

– Я слушаю тебя, Михаил Сергеевич.

Правый глаз Горбачёва дёрнуло лицевым нервом: отвык Михаил Сергеевич слышать в свой адрес «ты». Почитай, с марта восемьдесят пятого не слышал. Но делать было нечего: «здесь вам – не тут». Увы, прошли те времена, когда он мог повелительно крикнуть Ельцину: «Борис, в политику я тебя больше не пущу!». Сегодня Ельцин был ему почти ровней, а в некоторых отношениях – даже выше. Приходилось считаться с этим – а, значит, нанесённое оскорбление глотать молча, и даже с улыбкой невыносимой приязни на лице.

– Борис Николаевич, ситуация – почти критическая.

Лицо Ельцина примяло гримасой неудовольствия.

– Ты же обещал говорить прямо!

– Так я и говорю.

– Тогда не надо – о критической ситуации в стране!

– Да я не о стране: а нас с тобой! О критической ситуации для нас обоих.

Гримасы неудовольствия на лице Ельцина – как не бывало.

– Ты имеешь в виду что-то конкретное – или вообще?

– Разумеется, конкретное.

Горбачёву явно доставляло удовольствие наблюдать проявления тревоги на лице конкурента. А так красочно, так непосредственно «давать себя наружу», как Борис Николаевич, «наверху» не мог никто.

– Не томи, Михаил Сергеевич!

– Ладно, не буду.

Горбачёв открыл папку – и, развернув её в сторону визави, «отправил получателю». Ельцин быстро пробежал глазами первый лист, перевернул его – и поморщился.

– А я-то думал...

– Не спеши с выводами, Борис Николаевич. Под этой бумагой имеется другая, более интересная... для тебя.

Ельцин тут же вернулся к папке – и зашелестел бумагами. Не меньше минуты взгляд его сосредоточенно работал с текстом: заслуживающий внимания материал российский лидер переваривал традиционно медленно и основательно. Наконец, глаза Бориса Николаевича вернулись на лицо Горбачёва.

– Ну, я – в курсе этих дел. Но я полагал, что всё это – маниловские прожекты, которым несть числа.

– Ошибаешься, Борис Николаевич. Накануне отлёта в Форос я должен буду встретиться с «активом».

Михаил Сергеевич выразительно покосил глазом на лист, последний по времени знакомства с собой.

– И не своей инициативе: «дожали». Эти деятели требуют от меня немедленного введения ЧП. Настрой у них – самый решительный... на то, чтобы заставить решиться и меня. То есть, если решусь я – решатся и они. На всё решатся.

– Ты это – серьёзно? – впервые за время контакта дрогнул голосом Ельцин.

– Более чем.

Следом за голосом дрогнула и рука Бориса Николаевича. Будучи не в силах справиться с дрожью, она, «как есть», враскосьяк пробежалась по плохо выбритому подбородку: Ельцин так спешил на встречу, что «прошёлся лишь по верхам».

– И на что они могут решиться?

– Хороший вопрос, – усмехнулся Горбачёв. – Применительно к тебе – на всё. Я, правда, знаком лишь с черновиком их планов – но и этого хватает, чтобы понять, насколько всё серьёзно. Решение твоей судьбы – в таких пределах: от изоляции до ликвидации.

– Блеф! – махнул рукой Ельцин, но рука его дрожала совсем не «в унисон» легкомысленному заявлению.

– Отнюдь.

Горбачёв парировал на удивление спокойно и даже интеллигентно (Раиса Максимовна научила).

– Люди Крюčkова проработали эту операцию в деталях.

– Ну, тогда не страшно.

На изрезанном красными прожилками лице Ельцина проступила улыбка облегчения. Легкомысленное отношение визави к информации «о самом себе» насторожила Горбачёва. Действия «людей Крюčkова» почему-то не устрасили российского президента, хотя должны были: ведь не о чужом дяде – разговор! Что бы это могло значить?

Понимая, что с Ельциным всегда надо держать ухо востро, так как у этого человека звериное чутьё опасности, Михаил Сергеевич, всё же, решил проверить сомнения: а вдруг?

– У меня на днях состоялся разговор с Назарбаевым. Мы с ним оба сошлись во мнении о том, что Крючкова следует освободить от обязанностей Председателя КГБ.

Изменяя себе, Горбачёв шёл напролом. Он ждал энергичных возражений, но Ельцин лишь молча приподнял бровь. Пришлось Михаилу Сергеевичу опять взяться за слово.

– Крючков – один из вождей ГКЧП. Я бы даже сказал – его движущая сила. Именно он подталкивает всю эту гоп-компанию к решительным действиям. Именно его люди отрабатывают план операции.

– Я всегда полагал его твоим человеком, Михаил Сергеевич, – воспользовавшись оставленной Горбачёвым паузой, мрачно усмехнулся Ельцин. Но Горбачёв вновь «не полез в бутылку».

– Так и было. До поры, до времени. Но сейчас Крючков вышел из-под контроля – и стал опасен.

– Накручиваешь, Михаил Сергеевич, – лениво-небрежно отмахнулся Ельцин. – Крючков – не политик: он – всего лишь технарь, исполнитель. Да и нет такой, уж, большой необходимости «шуметь» с его отстранением. Подпишем новый Договор – и Крючкова не станет «без шума и пыли».

– Ошибаешься, Борис Николаевич.

Горбачёв медленно – «в воспитательных целях» для визави – покрутил головой из стороны в сторону.

– Забыл статью двадцать шестую проекта Союзного договора – о преемственности высших органов Союза?

Михаил Сергеевич раскрыл папку с заранее подготовленной шпаргалкой.

«В целях непрерывности осуществления государственной власти и управления высшие законодательные, исполнительные и судебные органы Союза Советских Социалистических республики сохраняют свои полномочия впредь до формирования высших государственных органов Союза Советских суверенных республик в соответствии с настоящим договором и новой Конституцией СССР».

– Ерунда! – не изменил прежнего мнения Ельцин. В части небрежной отмашки его рука оказалась солидарна с хозяином. – Вот подпишем договор – упраздним КГБ! А Крючкова и упразднять не придётся: «автоматом» пойдёт!

Мнение Ельцина и его намерения в отношении КГБ не являлись секретом для Горбачёва. Отчасти Михаил Сергеевич даже разделял их: Комитет в его сегодняшнем виде представлял собой угрозу для любого «перестраивающегося» руководителя. Но упорное нежелание Ельцина «сдать» Крючкова прямо сейчас не понравилось Генсеку. Под маской легкомысленного верхоглядства за всем этим нежеланием скрывалось нечто большее, чем пренебрежение отсутствующей угрозой и вариантами её безболезненного упразднения. Наученный жизнью в политике, Горбачёв не мог не усматривать в этом «отказе в удовлетворении» «второго дна».

Развивать «скользкую» тему Горбачёв не стал: заострение вопроса было чревато ростом подозрений теперь уже у Ельцина. Да и вопрос сотрудничества заслонял собой – пока, во всяком случае – все остальные. Но и «отпускать» Борису Николаевичу «за здорово живёшь» Михаил Сергеевич тоже не хотел. И зарубку себе на память он тоже сделал.

– КГБ – не единственный «нянь» российского президента. Есть ещё Министерство обороны и Министерство внутренних дел. И какая, понимаешь, «загогулина» получается: они есть – а поддержки в них у Бориса Николаевича нет.

Намёк оказался больше чем намёк: оскорбительного свойства. Ведь даже словечки из лексикона Бориса Николаевича: «понимаешь» и «загогулина» – Горбачёв выдал с «ельцинским прононсом» и усмешкой в глазах.

Ельцин вспыхнул, как порох. Раскалённый воздух с шумом пошёл из его ноздрей, словно это был не человек, а ершовский Конёк-горбунок.

К огорчению Бориса Николаевича, замечание Горбачёва не ограничивалось пародией. Оно поразило его – и не куда-нибудь, а прямо в «ахиллесову пяту» и без того уязвленного честолюбия: собеседник не преувеличивал насчёт отсутствующей поддержки. Российский президент и в самом деле не пользовался ни авторитетом, ни влиянием у силовиков: ни в армии, ни во внутренних войсках. Эти структуры контролировали члены пока ещё не объявленного ГКЧП. Конечно, сочувствующий элемент у Ельцина имелся и там, но невозможно было заранее предсказать, насколько верным он окажется российскому президенту в том случае, если ГКЧП начнёт действовать – да ещё предельно решительно.

– Без обид, Борис Николаевич, – беспардонно вклинился в размышления контрагента Горбачёв. – Или, как говорил Рубик Хачикьян в фильме «Мимино»: «Я скажу тебе один умный вещь – ты только не обижайся». Так, вот: ты существуешь до тех пор, пока существую я. Не в том смысле, что твоя судьба зависит от моей прихоти: «захочу – и скovyрну». Вовсе нет. Этим я хотел сказать лишь то, что, если свалят меня, то тебя и валить не придётся: сам упадёшь. Мы с тобой – как те «скованные одной цепью»...

«Окрасилось небо багрянцем»: лицо Ельцина приобрело бурачный окрас. И то: неприятно слышать такие вещи о себе. Конечно, можно было бы возразить... если бы было, чем. В отсутствие серьёзных доводов «сам – дурак!» – не довод. Понимал Борис Николаевич: как бы ни ранили слова Горбачёва – а Мишка прав. Спасаться требовалось сообща. Дальше – видно будет, а сейчас – только вместе, только заодно.

– Я согласен действовать сообща.

Тяжёлая ладонь Ельцина с шумом опустилась на полированную столешницу.

– Что ты предлагаешь?

Горбачёв на шпионский манер огляделся по сторонам – как будто кто-то мог подслушать его в Кремле, в собственном кабинете – и с заговорщическим видом перегнулся через стол.

– Не будем мешать членам ГКЧП развивать бурную деятельность.

Поясняя текст, Михаил Сергеевич выразительно поиграл бровями.

В ответ Борис Николаевич задействовал свои: художественно сдвинул их к переносице, и выдул уже побитые склеротическими прожилками щёки. Секунд десять щёки и брови участвовали в процессе размышления. Наконец, правая бровь Ельцина выгнулась дугой (Горбачёв так не умел).

– А они не выйдут из-под контроля?

Михаил Сергеевич откинулся на спинку стула. На его щеках играла презрительная усмешка.

– Не выйдут. Эти «тряпки» будут «охватывать» и «вовлекать» меня до конца... До своего конца.

– «А я ещё поторгуюсь!» – хмыкнул Ельцин. – Помнишь, как говорил Семён Семёныч Горбунков в «Бриллиантовой руке»?

– Вот именно! – рассмеялся Горбачёв, и первым отставил веселье. – А теперь давай заключим небольшой договор. Даже не договор, а джентльменское соглашение.

– Как два джентльмена? – покривил щекой Ельцин.

Горбачёв тоже не стал удерживать щеку.

– Ну, и это – тоже. Но, вообще-то, Черняев мне говорил – он же у меня советник по внешней политике – что в международном праве так называется договор, который заключается в устной форме, но исполняется так же, как и письменный.

– А-а-а, – удовлетворённо протянул Борис Николаевич: с международным правом он «лично не был знаком», но такое объяснение его вполне устроило. – Можешь не сомневаться: я ещё никого не «кинул». Так, что, моё слово – против твоего слова.

– Идёт. Значит, говорим за стоимость взаимных услуг.

Ельцин подался всем корпусом вперёд: наконец-то, Горбачёв закончил с предисловием – и перешёл к делу.

– Я тебя слушаю.

– Мы разгоняем всю эту шайку-лейку, которая только путается под ногами, мешая и тебе, и мне. Это – раз.

Михаил Сергеевич загнул один палец, а Борис Николаевич утвердительно махнул головой.

– Затем мы безотлагательно подписываем Союзный договор.

– Согласен.

– Я получаю кресло Президента нового Союза.

Очередное условие Горбачёв выпалил с краской на щеках, да так поспешно, словно за ним гнались «жильцы тёмных переулков». Сразу чувствовалось, что этот вопрос для него – главный. Но на этот раз визави явно не спешил с одобрением. Пауза затянулась – и Михаил Сергеевич не выдержал.

– Но этим ведь я не отнимаю места ни у тебя, ни у Назарбаева, ни у Кравчука, ни у Шушкевича – ни у кого! Я не занимаю чужого места: я займу только своё! И у меня будут лишь те полномочия, которыми вы согласитесь поделиться!

Даже после такой «дозы транквилизатора» лицо Ельцина искривила гримаса болезненного неудовольствия.

– Я понимаю, – усмехнулся Горбачёв. – Я, конечно же, понимаю, что Горбачёв не устраивает тебя в любом виде... кроме жареного. Но так не бывает, чтобы «и рыбку съесть, и на х... сесть»!

«В оригинале» Михаил Сергеевич обошёлся без многоточий и автоцензуры: когда это требовалось делом, он мог быть максимально «близко к народу». И Ельцину это понравилось: сам частенько прибежал «к заимствованиям из Руси». В отличие от Горбачёва, которого жёстко редактировала жена, Борис Николаевич беспрепятственно «выходил за рамки», и Наина Иосифовна ему в этом не препятствовала. Ведь это Горбачёв был «при жене» – а в семье Ельциных царил патриархат. Но имелся и более существенный момент: Ельцин с Горбачёвым прошли во многом одинаковый путь – только задницы начальству лизали, каждый на свой манер. Отсюда – и различия в подходах и воспитании. Ельцин был проще и грубее – а, значит, ближе к народу.

– Ладно, Михал Сергеич.

Добродушно ухмыляясь, Ельцин огрел визави по плечу «рабоче-крестьянской» пятернёй.

– Твои условия... или у тебя ещё есть?

– Нет: все.

– ... твои условия принимаются. Теперь – мои условия.

Борис Николаевич перестал ухмыляться. Выражение его лица стало жёстким, неприязненным и неподъёмным даже силачу.

– КПСС объявляется вне закона и распускается.

Горбачёв вжал голову в плечи, но промолчал.

– КГБ реформируется... Ну, как «реформируется»: делится на части. Как в Америке, где есть ЦРУ, ФБР, АНБ, разведка флота и так далее.

– Согласен.

– Этих хмырей... ну, этих твоих ГКЧП – их всех осудить за измену Родине.

– Надо ещё подвести их к измене, – буркнул Горбачёв.

– Это – твоя проблема! – отмахнулся Ельцин. – Противник должен быть поставлен вне закона! В этом – единственное спасение для тебя!

– А для тебя?! – моментально вспыхнул Горбачёв.

Ельцин смущённо закричал – и чисто по-русски прошёлся пятернёй за ухом.

– Ну, и для меня – тоже... Так – дальше: сокращение и реформирование армии. Армия в её сегодняшнем виде – это нож у горла! А что касается американцев... Пока у нас есть ракеты и атомные боеголовки, никто на нас не полезет!

– Согласен.

– Ну, и последнее: Центр не вмешивается в дела республик.

Теперь уже лицо Горбачёва искривила болезненная гримаса.

– Что значит «не вмешивается»?! В каком объёме «не вмешивается»?!

– В объёме переданных ему полномочий! – жестко отрезал Ельцин, не потрудившись хотя бы ухмыльнуться. Следом за голосом и лицо его исключило какой бы то ни было компромисс.

У Михаила Сергеевича задергался правый глаз.

– И что же это будут за полномочия?

– Они прописаны в проекте Союзного договора, – ухмыльнулся Ельцин.

– А точнее? – завибрировал голосом Михаил Сергеевич.

Ельцин перестал по-хозяйски гулять взглядом по сторонам и уставился холодными рыбьими глазами в контрагента.

– Чисто представительские функции. Ну, как у президента ФРГ или английской королевы. Согласись: хоть что-то – всегда лучше, чем ничего. Не так ли?

Михаил Сергеевич вздрогнул: где-то он уже слышал эти слова. И тут вспомнилось: не далее, как вчера. От самого себя.

– И потом...

Ельцин совсем уже неделикатно припал дышащим перегаром ртом к уху Горбачёва.

– Тебе же лучше: никакой ответственности. За всё будут отвечать президенты республик. А твоя хата – с краю: ничего не знаю! Милое дело: никакой критики, никаких нападок! Как это, у Пушкина: «Царствуй, лёжа на боку!»

– Но кадры – общие!

Верный себе, Михаил Сергеевич хотя бы напоследок попытался сделать хорошую мину при плохой игре. Номер не прошёл, ибо не имел шансов на прохождение.

– Кадры общими не бывают, Михаил Сергеевич, – победительно усмехнулся Ельцин: понял, что этот раунд остался за ним. – Они всегда чьи-то. Есть твои кадры – а есть мои. Но я согласен поделиться местами: в России будут мои люди, в Союзе – твои.

– Но силовики – только у Союза!

– Как Комитет начальников штабов в армии США! – расширил формат ухмылки Ельцин. – То есть, согласительный орган. За Союзом останутся только координирующие функции, типа ОВС. Армии же перейдут в исключительное ведение республик. Ну, может, в дальнейшем передадим в ведение Центра какие-нибудь совместные группировки. Так, как это было с Варшавским Договором.

– А госбезопасность?

– Тоже – в ведении республик. А в Центре можно будет создать какой-нибудь координирующий орган... Послушай, зачем тебе всё это?

Ельцин внезапно отставил директивный тон. Он уже готов был взорваться – и не на шутку.

– Зачем тебе этот хомут?! Он уже был у тебя на шее – и что из этого вышло?! Ничего хорошего! Отдыхай себе на троне и не лезь больше в это дерьмо! А трон у тебя отнимать никто не станет – даю слово!

– А Кремль? – моментально вскинулся Горбачёв. Вскинулся не один: вместе с тревогой в голосе и взгляде.

– Кремль?!

Ельцин ухмыльнулся – и простецки поскрёб здоровенной пятернёй плохо выбритую щеку.

– Кремль поделим, Михаил Сергеевич! Надвое! Пополам!

Ухмылка тут же уступила место тяжёлому властному взгляду, неприятному для стороннего глаза от избытка вельможной брезгливости.

– А пока тебе предстоит отработать товарищей, и «подвигнуть их на дело»...

...Соблюдая условия вчерашнего «пакта о ненападении друг на друга и нападении на других», сразу же «по отражению нападков ГКЧП» Михаил Сергеевич поднял трубку одного из аппаратов правительственной связи.

– Борис Николаевич?.. Рандеву состоялось... Да, всё – как договаривались...

Глава четвёртая

...Ельцин положил трубку и нажал кнопку вызова секретаря. Спустя несколько секунд на пороге образовалась фигура начальника охраны Коржакова.

– А где... этот... ну, как, там, его? – с недовольным видом защёлкал пальцами Борис Николаевич.

– Бурбулис попросил его заскочить за бумагами для Вас.

– Бурбулис? Сам занесёт! Вместе с собой!

С невероятной для своей комплекции энергичностью Ельцин развернулся к батарее телефонных аппаратов.

– Гена? Какого хрена ты отрываешь от дел моего секретаря?!.. Знаю! Так, вот: бери их – и вместе с ними ко мне! Чтобы одна нога – там, а другая – здесь!

Ельцин бросил трубку на рычаги – и «вернулся» к Коржакову.

– Саша, пока они там ползут – дозвонись до Кобца...

– Кобеца, Борис Николаевич.

– Один хрен!.. Так, вот: дозвонись до него – и пусть он немедленно дует сюда! Обеспечь также явку Полторанина, Хасбулатова и Руцкого! Всё!

– Будет сделано, Борис Николаевич!

Коржаков бросился исполнять поведение хозяина – а тот погрузился в мысли. Глубоко погружаться не пришлось: мыслей были немного, и все они «залегали вблизи поверхности». Но характер залегания не влиял на их значимость: мысли были о «текущем моменте». Моменту нельзя было позволить «утечь», а для этого требовалась решительность и действия на упреждение.

По счастью, думалось не на пустом месте: дело информации было поставлено, как «на хорошую ногу», так и на поток. В итоге – а заодно и в процессе – Борис Николаевич знал всё то, что знал и «Михал Сергеич», и даже больше. Начало этому доброму делу было положено ещё в июне, когда шеф КГБ Крючков передал ему информацию «top secret», только что полученную людьми Баршина, начальника ПГУ.

Согласно ней, в окружении Буша сочли роль Горбачёва исчерпанной, а «безальтернативной альтернативой» ему отныне стал Ельцин. Якобы «Америке жаль было терять Горбачёва: он податлив и предсказуем – но в политике нет места эмоциям». С того времени Ельцин получал те же материалы, что и Горбачёв, в том числе, и «оперативку» Первого Главного управления КГБ.

Крючков оказался весьма полезным «службой двух господ». Не отказываясь от службы первоначальному хозяину – Горбачёву – он предложил свои услуги и его противнику. Сам предложил. Случилось это ещё в марте, на следующий день после заседания Совета Оборона, на котором был создан пресловутый ГКЧП. Крючков мгновенно распознал всю опасность этого начинания консерваторов как для Горбачёва, так и для Ельцина – и тут же напросился на рандеву с Борисом Николаевичем.

Ельцин принял обоих: и Крючкова, и его услуги. Да и почему было не принять: информация шла не просто добротная – первостатейной важности, да ещё из первых рук! Сейчас в дело годился любой «фрайерок» – а Крючков был много выше по статусу. Тем более что сам генерал не просил ни о каком вознаграждении: «радел за Отечество». То есть, всего лишь «столбил участок». На будущее. Всего лишь намекал на то, чтобы не забыли потом, и не обошли своими милостями. Намёки освобождали Бориса Николаевича от конкретных гарантий – зато давали возможность «неназойливо попросить истинного патриота радеть за Отечество и впредь». «В переводе с русского на русский»: своевременно информировать российского лидера обо всех телодвижениях ГКЧП... и самого Горбачёва.

И Владимир Александрович старался. По просьбе – де-факто приказу Ельцина – он передал Горбачёву записку о готовящемся демократами перевороте. Передача состоялась в рамках выполнения задания «демократов» по энергичному подталкиванию к энергичным же действиям ГКЧП, а буде возможно – и самого Горбачёва.

Насчёт «Откровения от Горбачёва» в вопросе информирования Ельцина о замыслах ГКЧП Михаил Сергеевич тешил себя иллюзиями. Он ошибался – и сильно. Его «секрет» был классическим «секретом Полишинеля» – хотя Ельцин и постарался изобразить заинтересованность, заодно скрывая от собеседника давнишнюю осведомлённость в этом вопросе. Его не нужно было просвещать: он сам мог просветить, кого угодно. Горбачёва – в том числе. И – даже в тех подробностях, о которых тот и понятия не имел. Ведь уже с марта для Бориса Николаевича не было ничего тайного, что не стало бы явным.

И это касалось не только планов ГКЧП: не стал исключением и сам Михаил Сергеевич. Со всеми своими секретами не стал. Хорошо зная Генсека-президента – и не с лучшей для себя стороны – Борис Николаевич не имел никаких оснований для благодушия в адрес Михаила Сергеевича. Они с Горбачёвым окончили разные вузы – но прошли одну школу. Это позволило им обоим, как «Отче наш» (или «Вставай, проклятьем клеймённый») на всю дальнейшую жизнь затвердить установку: «двум медведям в одной берлоге не бывать!». И не только затвердить: следовать ей неукоснительно.

Поэтому Борис Николаевич решил подстраховаться – и заставить ГКЧП (а получится – и Горбачёва) «выйти из окопов». «Заговорщики» должны были раскрыться – и предстать «перед народом» во всей наготе своих «отвратительных антидемократических замыслов». На полумеры Ельцин был не согласен: или всё (пан) – или ничего (пропал)! В таком деле никакая мера предосторожности не могла быть лишней или чрезмерной.

И для такого дела Крючков оказался – и продолжал оказываться – незаменимым человеком. Именно ему, занимавшемуся «идеологическим обеспечением деятельности ГКЧП», было поручено сгруппировать материалы Комитета для их публикации в печати так, чтобы готовящееся – а Ельцин достоверно знал об этом – заявление Председателя Верховного Совета Лукьянова против заготовленного проекта Союзного договора шло в одном пакете с документами собственно ГКЧП. Больше того: чтобы оно предваряло документы ГКЧП! Лукьянова, человека явно консервативных взглядов, опасно авторитетного и совсем не дурака, как одну из ветвей законной власти, следовало безжалостно отсечь за компанию с теми, в чью компанию он и не входил.

Отсекать Лукьянова и его несостоявшихся ещё подельников следовало не только политически, но и «хирургически»: военными средствами. В этом плане контакты с высшим генералитетом приобретали особое значение. Силам ГКЧП нужно было противопоставить силы «демократии». И, желательно – не равные, а большие, как по количеству, так и по качеству. Поэтому Борис Николаевич не забывал делать реверансы в сторону армии: громили её другие люди – вроде покойного уже академика Сахарова и ныне здравствующего писаки Евтушенко.

Как до, так и во время контактов Ельцин вынужден был с горечью констатировать: вертушка армии по своим взглядам на демократию оставалась верным оплотом консерваторов. Поэтому своими он мог считать лишь отдельных представителей генералитета. Их было немного – и все они были разными по степени «эксплуатационной ценности» и практической отдаче. Так, если от политического брехуна генерал-полковника Волкогонова толку было, как от козла молока, то начальник войск связи генерал-полковник Кобец стал истинной находкой. В руках этого человека оказались ключи от всех секретов Министерства обороны – и не только. Благодаря доступу генерала ко всей армейской связи никакие телодвижения руководства МО и этого ГКЧП не составляли больше секрета для Ельцина. Дополнительную «информацию непосредственно с мест» в «Белый дом» регулярно поставляли «наши с потрохами» генералы Грачёв и Громов.

Наибольший интерес представлял Грачёв. Даже не в плане информации: он сам. Этот генерал-лейтенант – простоватый, без семи пядей, почти герой анекдотов «про армию» – недавно сменил «насквозь красного» генерал-полковника Ачалова в должности командующего ВДВ. В свете необходимости быстрого реагирования на вызовы консерваторов эта должность приобретала не просто ключевое: бесценное значение.

На Грачёва внимание Ельцина обратил Кобец, одним из первых в руководстве МО «принявший демократическую веру». Именно он посоветовал Борису Николаевичу «приласкать» этого «перспективного хлопца». Внимая совету, в конце июля Ельцин «посетил с дружественным визитом» придворную Тульскую дивизию ВДВ. «В прогулке по хозяйству» сопровождал его лично командующий ВДВ Грачёв: так полагалось этикетом. За столом, во время обеда «в честь высокого гостя», хорошо уже «нагостившийся» Ельцин без обиняков спросил Грачёва, за кого тот: «за белых – али за красных?».

Командующий ВДВ не ожидал лобового вопроса – и начал что-то бляеть насчёт верности долгу, уставу и Конституции. Но с Борисом Николаевичем такие номера не проходили – особенно на подпитии – и он без всякого этикета развернул генерала лицом к вопросу: «за белых – али за красных»? После этого командующему ВДВ не оставалось ничего другого, как заверить российского президента в том, что он всю жизнь мечтал посвятить служению делу демократии и «лично товарища» – правда, теперь уже всё больше господина – Бориса Николаевича Ельцина.

После этого генерал был «поставлен на довольствие» и «зачислен в штат» как «наш человек в Гаване» и «свой среди чужих – чужой среди своих». Второе было много ближе к истине: Грачёв неожиданно оказался своим среди людей, чужих ему по духу, воспитанию и целям. А, вот, среди своих, армейских, он оказался «засланным казачком». Будучи «завербованным» – никакой идейностью в данном случае и не пахло – он честно информировал Ельцина обо всех телодвижениях руководства МО. Правда, на всякий случай, хитроумный Паша не забывал и маршала Язова сотоварищи: как оно ещё всё обернётся?!..

– Все – в приёмной, Борис Николаевич! – просунул голову в дверь Коржаков. – Заводить? – Давай!

Ельцин «выбрался из себя» – и пошёл взглядом на распахнутые двери, в которых уже появилась «демократическая гвардия»: Кобец, Руцкой, Хасбулатов, Полторанин, Бурбулис. Замыкал процессию Коржаков, чем вызвал явное неудовольствие Председателя Верховного Совета РСФСР: всего лишь охранник посягал на место не по чину. Не Боярская Дума – но всё-таки! Но, поскольку Ельцин не изгнал нарушителя обратно в приёмную, косым молчаливым взглядом «спикер» и ограничился.

– Прошу садиться! – буркнул Ельцин, но сам встал. Дождавшись, пока не перестал елозить стулом последний из облечённых доверием – Коржаков – Борис Николаевич художественно поджал губы.

– Мне только что звонил Горбачёв.

«Высокое собрание» тут же уменьшилось в размерах: все ждали развития событий со дня на день – и при этом никто не был уверен в том, что они будут развиваться по планам «демократии». Разумеется, очередной выброс политического малодушия не ускользнул от внимания Бориса Николаевича – и он отреагировал адекватной ухмылкой.

– Во исполнение наших договорённостей «Михал Сергеич» доложил мне о том, что «профилактическую работу» среди членов так называемого «ГКЧП» он провёл. Горбачёв заверил меня в том, что события развиваются в верном направлении – и под его строгим контролем.

– Ничего серьёзного, Борис Николаевич? – первым дрогнул голосом Бурбулис – не самый мужественный человек в окружении российского президента.

– Кажется, ничего, – не стал осмеивать верного холуя Ельцин. – Консерваторы всё ещё надеются на то, что Горбачев возглавит их заговор – и «восстановит конституционный поря-

док». Иначе говоря: сметёт Ельцина и его команду, после чего примется наводить порядок в союзных республиках. По счастью для нас, у этой затеи – много недостатков. И главный из них – отсутствие вождя, который мог бы спокойно приставить дуло пистолета к виску Ельцина – и так же спокойно нажать на спусковой крючок.

После этих «анестезирующих заявлений» руководителя соратники дружно выдохнули – и не исключено, что не только ротовыми отверстиями.

– Все эти люди абсолютно неспособны на поступок. Все они, как огня, боятся проявить инициативу. Ни один из них не готов взять ответственность на себя. А всё потому, что все они – исполнители. Такими их сформировала номенклатура – и лишь такими они и нужны Горбачёву. Но это не значит, что мы теперь можем дожидаться их выступления, «лёжа на печи». Всякое может случиться. Вон, незаряженное ружьё – и то раз в году стреляет.

«Народ», впавший было в благодушие, вновь подтянулся.

По достоинству оценив понятливость команды – кривой щекой и парой хмыков – Ельцин, наконец, опустил чресла на стул.

– Кобец, что, там, у тебя?

Единственный из присутствующих человек в форме проворно вскочил на ноги. Ельцин поморщился – и махнул рукой.

– Сиди – не в строю!

Генерал вернулся на место, и звучно щёлкнул папкой.

– Своими словами! – ещё раз поморщился Ельцин. – Не надо мне этих демонстраций готовности! Сам ведь понимаешь: обманывать меня – себе дороже. И не потому, что я взыщу: потому что с нас обоих взыщут... У одной стенки...

Кобец вздрогнул – и старательно прочистил горло.

– Борис Николаевич, информация проверена и перепроверена. Мы, так сказать, «подключились» – а потом всё это перепроверили, как сейчас принято говорить, «из независимых источников». Иначе говоря: непосредственно из войск.

– Хорошо, – кивнул головой Ельцин. – Но – ближе к делу.

– Слушаюсь, Борис Николаевич. Итак, мы располагаем точными данными о силах противника... то есть... ну...

– Противника, противника! – «утвердил» Ельцин. – Дальше!

– Мы знаем, какие именно части ГКЧП планирует задействовать после объявления о введении чрезвычайного положения.

– В Москве? – приподнял бровь Ельцин.

– Не только: в Ленинграде, в Европейской части России вплоть до Урала, в Закавказье, на Украине, в Белоруссии, в Молдавии и Прибалтике.

– Широко размахнулись! – удивлённо покачал головой Рудкой.

Не поворачивая головы, Ельцин покосил в него одним глазом.

– А ты думал! Нет, брат: имей они своего «Наполеона» – не сносить бы нам голов! Сил у них для этого – предостаточно.

– Именно так, Борис Николаевич, – раболепно отработал головой Кобец. – Но при этом они преувеличивают насчёт решающего влияния даже на избранные части.

– Вот как?!

Удивление Ельцина было приятным.

– Поясни!

– Слушаюсь, Борис Николаевич. Например – Таманская дивизия. По расчётам ГКЧП, она – «ихняя». А фактически – наша: мы сейчас активно разрабатываем командный состав до командиров взводов включительно. Даже, если ГКЧП удастся их сдвинуть с места, в бой они не пойдут. То же самое – и с Кантемировской дивизией, и с Рязанской, и с Тульской.

– Ну, за Тульскую мне поручился Грачёв, – с довольным видом вклинился Ельцин. – А его слову я верю.

– И правильно делаете, Борис Николаевич. В итоге, у ГКЧП останется только спецназ и дивизия КГБ. Всего...

– Сколько?

– Тысяч пятнадцать, Борис Николаевич.

– И что у нас тут... в смысле – там? – красочно выгнул бровь Ельцин.

Взгляд Кобеца неожиданно вильнул в сторону.

– Не понял? – «прибавил в голосе» Ельцин.

– Работаем, Борис Николаевич...

– А что же – так скромно: «работаем»?

Кобец ещё ниже опустил голову.

– Так – чужая вотчина, Борис Николаевич: КГБ...

– Так подключи Крючкова!

– Не мой уровень, Борис Николаевич...

Ельцин вновь «обратился в Конька-Горбунка». Разгрузившись на генерала, а заодно – в профилактических целях – «подпалив» и штатских, он всего лишь раздражённо махнул рукой

– Ладно, я сам озадачу его!.. Что – с нашими планами?

– Вчерне готовы, Борис Николаевич, – обрадовался смене темы Кобец.

– Что значит «вчерне»?

Кобец мгновенно перестал радоваться. Даже со стороны, по желвакам под генеральскими скулами, было заметно, как беспощадно он укорял себя. И то: расслабился прежде срока – а с Ельциным такие номера не проходили «и в мирные дни».

– Ну, как говорится, «возможны нюансы», Борис Николаевич... Но, в целом – всё готово. Как Вам известно, Борис Николаевич, первоначально мы готовились к самостоятельному выступлению в сентябре. Было подготовлено соответствующее обоснование, заготовлены исполнители и объекты провокаций... То есть... ну...

– Ну, ясно, ясно! – поморщился Ельцин. – Ты дело давай, а не литературу!

– Виноват, Борис Николаевич! – покраснел Кобец. – В общем, мы должны были якобы «сыграть на опережение», предупреждая «большевистский переворот». Работа шла по плану, суетиться «с перевыполнением» не было необходимости...

– Потому что большевики и не собирались братья за оружие, – хмыкнул Ельцин.

– Так точно, Борис Николаевич! Консервативный элемент в КПСС готовился, так сказать, к «легитимному перевороту»: на двадцать девятом съезде исключить Горбачёва из партии, через Верховный Совет отрешить его от должности президента – и поставить своих людей, которые, пользуясь огромными полномочиями Горбачёва...

– ... которым тот не пользовался – и не думает пользоваться!

– Так точно, Борис Николаевич! Так, вот: скинув Горбачёва, эти люди на законных основаниях принялись бы наводить «флотский порядок» в стране. Произошло бы это не скоро, так как съезд они намечали провести только поздней осенью, где-то в октябре. А, значит, мы успевали и подготовиться, и опередить... Но тут пришла информация от Крючкова об этом ГКЧП – и нам пришлось вносить коррективы в свои планы.

– Азбучные истины! – поморщился Ельцин. – Ближе к делу!

– Слушаюсь, Борис Николаевич.

Словно забыв «инструктаж» Президента, Кобец извлёк из кожаной папки несколько скрепленных обычной канцелярской скрепкой листов бумаги, и развернул их «лицом» к хозяину.

– В связи с новым поворотом в развитии сюжета: выступление не коммунистов, а консерваторов-горбачёвцев – нами разработан новый план операции: «план Икс». То есть, мы теперь

играем не на опережение, а от обороны. «План Икс» предусматривает организацию широкого народного протеста против государственного переворота, который произведёт ГКЧП. Полагаю, что лучше всего будет подать его через «войну на баррикадах». Разумеется, будут только баррикады: не хватало ещё войны! Для этих целей у нас уже есть договорённости с рядом московских предприятий, которые по первому же требованию поставят нам собственным транспортом железобетонные плиты, металл, арматуру, колючую проволоку, асфальт, деловую древесину, горючее...

– Водку? – моментально встрепенулся Ельцин.

– Нет.

Кобец постарался улыбнуться не слишком широко. На всякий случай – во избежание обвинений «в тонком намёке на толстое обстоятельство». Знал: лишний миллиметр – и за Ельциным «не заржавеет».

– Горючее для костров... Ну, бензин, керосин, сухой спирт... бутылки с зажигательной смесью...

Правая бровь Ельцина выгнулась дугой.

– «Коктейль Молотова»?!

– Так точно, Борис Николаевич: раствор белого фосфора в углероде.

– Тоже – для костров?! Не слишком ли?

Даже сидя, Кобец умудрился вытянуться, как в строю: понял, что инициатива наказуема. Огнеопасна, то есть. Тем паче – с применением огнеопасных средств.

– Борис Николаевич, бутылки получают только специально подготовленные люди – для применения их в особых случаях и только по команде «сверху»!

Словно иллюстрируя текст, Кобец выразительно поиграл бровями – и Ельцин благодушно махнул рукой:

– Дальше!

– Вопросы питания и размещения «личного состава народного ополчения» решены. Определены магазины, столовые, кооперативные рестораны и кафе, которые будут кормить «защитников Белого дома». С транспортными предприятиями решён вопрос о количестве и составе техники, которые они выделяют нам для «обороны Белого дома» и прочих хозяйственных нужд. Под это количество определён лимит и источники снабжения горюче-смазочными материалами.

Закончив доклад, Кобец старательно закашлялся: опытный генерал-царедворец делал тактическую паузу, чтобы определиться с реакцией «царя Бориса», и в случае необходимости, на ходу внести в коррективы в «откорректированный план».

Раздумывая над приговором, Ельцин «на минутку отлучился в себя». Не только Кобец – но и всё «высокое собрание» застыло в ожидании «высочайшего рескрипта». Наконец, Борис Николаевич «вернулись».

– Ты сказал, что этот твой план...

– «Икс», Борис Николаевич.

– Да: «Икс»... Ты сказал, что он предусматривает организацию широкого народного протеста...

– Так точно, Борис Николаевич.

Кобец насторожился: в очередной раз не сразу почуял, «откуда и куда дует ветер». Оно и понятно было... не понять: второго такого непредсказуемого человека, как Ельцин, ещё поискать – и то без гарантий на успех. С одной стороны, Борис Николаевич был наглядным воплощением классического простонародья: «одна нога топотит – а другая не хочет». С другой – олицетворял собой классику российского самодержавия: с какой ноги встанет – так и пойдёт. Может – за тобой, может – по тебе. У «государя всяя Руси» было «семь пятниц на неделе» – и с каждой они находились в неустойчивых отношениях.

Но, похоже, на этот раз генерал трепетал «избыточно и досрочно»: Борис Николаевич всего лишь «влезал в детали». Влезал, хоть и по-медвежьи – но вполне мирно.

– «Так точно», говоришь... Ну, и насколько широким будет этот твой «народный протест»?

Несмотря на будто бы подходящий момент, Кобец не стал красиво задумываться. Потому что подходящим момент был только для непосвящённых. Для посвящённых он был другого рода: момент истины или момент выбора. Как и все «медведи на воеводстве», Борис Николаевич не жаловал раздумье напоказ, да ещё в строю, где отвечать полагалось, не задумываясь, но и не сочиняя. Неготовность к докладу Ельцин, конечно, не приравнивал к измене лично себе – но зарубку на память делал. Как и все популисты – суть люди слова, он нуждался в людях дела: генераторах идей и толковых исполнителях. Памятуя об этом, генерал-царедворец подтянул живот.

– Мы готовим запасы... хм... материалов и продовольствия на двадцать тысяч человек, Борис Николаевич.

– Двадцать тысяч?!

Реакция Ельцина на этот раз не ограничилась хмарью – и лицо его перекосило негодованием.

– На восьмимиллионную Москву – двадцать тысяч?!

– А, по-моему – верный расчёт, Борис Николаевич, – отважно крутанул ус вице-президент Руцкой. – Свидетельствует о серьёзной подготовке именно к работе, а не к «забрасыванию шапками». Вы же знаете, Борис Николаевич, что, согласно данным социологов, политически активный элемент составляет менее одного процента от общей численности населения.

Ельцин наморщил лоб и беззвучно зашлёпал губами: явно переводил проценты в души. Наконец, он в очередной раз недовольно поморщился.

– Один процент от восьми миллионов – это восемьдесят тысяч! А у вас даже этой цифры не набирается!

– Остальные присоединятся по дороге, Борис Николаевич, – усмехнулся Хасбулатов. – Так сказать, объединятся вокруг ядра в двадцать тысяч. Да больше и не понадобится, Борис Николаевич: двадцать тысяч глоток, двадцать тысяч пар рук! Да этим количеством можно повергнуть в смятение любое войско! Вопрос – в другом...

Хасбулатов развернул озабоченное лицо к генералу.

– Константин Иванович, двадцать тысяч – это расчётное число или «живые» люди?

– И то, и другое, Руслан Имранович, – обрадовался поддержке Кобец: понял, что неспроста Хасбулатов повернул разговор лицом к конкретике. – Во-первых, двадцать тысяч – это то количество, что требуется для эффективной обороны... имитации обороны Белого дома. Во-вторых, на эти двадцать тысяч уже выдана разнарядка.

– Кому? – оживился Ельцин.

– В вузы, в старшие классы средних школ и на предприятия, где на президентских выборах Вам, Борис Николаевич, удалось собрать максимальное число голосов.

– То есть, студенты, старшеклассники и рабочие?

Ельцин неопределённо покривил лицом – но такая, вполне миролюбивая, реакция уже не могла смутить Кобца.

– И служащие тоже, Борис Николаевич. Разнарядка по количеству голов – на каждую школу, на каждый вуз, на каждое предприятие. Ответственные за сбор «возмущённого народа» и доставку его «к месту боёв» назначены. Каждый из них имеет на руках уже пофамильные списки «бойцов народного ополчения». Каждый также знает свой манёвр: где и что получить, куда, когда и с чем прибыть. И «каждый» – это не только ответственный: просто «каждый».

– Это хорошо.

Впервые лицо Ельцина растянуло довольной улыбкой «производственного характера»: основательность подготовки явно пришлась ему по душе.

– Ну, а «наши»... как это... «определенные», что ли?

– «Наши по определению», Борис Николаевич, – с максимально приятной – и неизменно раболопной – улыбкой пришёл на помощь Бурбулис.

– Да: «наши по определению»! Они – что?

Бурбулис глазами тут же переключил вопрос на генерала: «каждому – своё». Воспользовавшись «недолговечной снисходительностью» вождя, Кобец и сам улыбнулся.

– «Демократический элемент», Борис Николаевич: завсегда и митингов, трибун и «концертов в поддержку» – предупреждены о возможном развитии событий. В общих чертах, конечно. Все они заверили Вас... через нас: меня и моих людей – в готовности прибыть на баррикады по первому же зову. Это я им всем обещал – я имею в виду «первый зов».

Все рассмеялись – и даже Ельцин не остался в стороне от процесса, оставшись «вместе с народом» и даже «разделив его судьбу».

– Ну, хорошо.

Борис Николаевич подключился к веселью последним – но закончил первым: по должности положено.

– А что – с войсками?

«Вопрос в сторону» означал, что начальство приняло «спущенную» информацию к сведению – и «сидячий» Кобец получил возможность «ослабить ногу в колене».

– Генералы Лисовский и Зарембо постоянно находятся на связи с войсками, Борис Николаевич. Это исключает даже малейшую вероятность неконтролируемого развития событий.

С минуту Ельцин сидел с угрюмой физиономией, словно не было только что вспышки беззаботного веселья. Брезгливо-высокомерное сомнение разминало массив его рыхлой, деформированной временем и алкоголем физиономии, во всех направлениях.

– Ладно.

Приговор вопросу был вынесен звучным шлепком здоровенной ладони по столу.

– Принимается – в качестве вводного курса. Запомни, Костя: вся военная составляющая – на тебе! Мы слушаем тебя ещё раз, когда планы ГКЧП окончательно прояснятся. Готовься сам – и готовь наше войско.

– Слушаюсь, Борис Николаевич.

Кобец ещё складывал бумажки в папку – а Ельцин уже «перешёл» к Бурбулису.

– Гена, ты зондировал украинцев насчёт СНГ?

Бурбулис мгновенно «очнулся от грёз», навеянных хозяйскими наставлениями «чужому дяде»: всегда приятно, когда – не тебе. А теперь «пришли за ним» – и уже ему нужно было сочетать неподдельную дрожь с квалифицированным докладом.

– И Кравчук, и люди из его окружения – в полном восторге от идеи, Борис Николаевич.

– «В полном восторге», говоришь...

Правая щека Ельцина съехала набок: хозяин обдумывал реакцию. Наконец, щека медленно вернулась на место.

– Но ты предупредил их о том, что «задаром и прыщ не вскочит»?

Лицо Бурбулиса – нерусское и по форме, и по содержанию – растянуло совсем, уж, «западная» улыбка.

– Предупредил, Борис Николаевич. Правда, не в таких выражениях.

– И?

– Кравчук сказал, что Украина готова оплатить свою независимость.

– В какой сумме? – ещё дальше поехал щекой Ельцин.

Бурбулис осторожно пожал плечами.

– Ну, вообще-то, руководствуясь Вашими указаниями, Борис Николаевич, я намекнул ему... кое на что...

– На что именно?

– Черноморский флот и Крым.

– А он?

Бурбулис ещё раз задействовал плечо – теперь уже под маску искреннего недоумения.

– Вы не поверите, Борис Николаевич, но он на удивление легко... даже легкомысленно воспринял этот намёк.

– Не волнуйся: поверю. Что он сказал?

– Сказал: «Не проблема. Украина готова заплатить и б`ольшую цену».

– Спасибо, Гена.

Ельцин «погладил» зардевшегося Бурбулиса благодарным взглядом.

– Ну, что ж: примем к сведению. Авось, и пригодится на будущих торгах...

Лицо Бориса Николаевича тут же отказалось от благодушия. Им обоим – и Ельцину, и его лицу – даже притворяться не пришлось: оба всегда были искренни в своей непосредственности, чередой настроений и «скорострельности».

– Но сейчас наша первостепенная задача: похерить Союз. А для этого, кровь из носу, нужно сделать так, чтобы вся «девятка» подписала горбачёвский проект. Отсюда – вывод: пока Горбачёв нужен нам, мы его не трогаем... коленом под зад...

Ельцин выдержал паузу – и жёстко закончил:

– ... Это – впереди...

Глава пятая

...Горбачёв не находил себе места: завтра лететь в Форос – а у него всё ещё не было никакой информации от Ельцина. Раз за разом Михаил Сергеевич задавал себе один и тот же вопрос: неужели он ошибся в Ельцине?! Неужели Ельцин оказался хитрее – и за его спиной договорился с ГКЧП?! Хотя, что тут такого: увидел, что у них реальная сила, оценил расклад – и переметнулся! А сила у них есть – нужен только решительный предводитель!

Спустя минуту Горбачёв уже отказывался от этой идеи, как утопической. Ну, не мог Борис Николаевич по собственному желанию совать голову в петлю! Ведь, даже при общей нелюбви к Горбачёву, при взаимном желании скинуть «Мишку-меченого» и отказаться от «перестройки», в главном вопросе их разделяла целая пропасть. ГКЧП был за сохранение Советского Союза, Ельцин – против. ГКЧП был против подписания нового Союзного договора – Ельцин «за». ГКЧП был против «суверенизации» республик – Ельцин самолично провозгласил: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!».

Вот, на чём они действительно могли столкнуться против Горбачёва – так это на кандидатуре... Горбачёва. И здесь уже начинала проглядывать ситуация под названием «возможны варианты». Самым маловероятным был вариант «невмешательства во внутренние дела», когда Ельцин уведомил бы ГКЧП о своём нейтралитете в «решении персонального вопроса Горбачёва». Куда ближе к истине был вариант, при котором Ельцин позволял ГКЧП расправиться с Горбачёвым – а затем преспокойно избавиться от «мавра ГКЧП». Как избавиться? Очень просто: организовав небольшое кровопускание народу «от имени и по поручению ГКЧП». А дальше – классика: «народное возмущение», похороны «мучеников тоталитаризма», и, наконец, похороны самого «тоталитаризма» как явление и в лице его отдельных представителей...

Холёная ладошка Михаила Сергеевича пробежала по вспотевшей лысине: последний вариант был настолько убедителен и настолько вероятен, что уже не казался всего лишь вариантом. Самое неприятное заключалось в том, что он ничего не мог противопоставить коварному замыслу своих врагов! Ну, не было у него укорота на этот вариант!

А как славно он всё продумал: руками ГКЧП расправиться с Ельциным – разумеется, с небольшим профилактическим кровопролитием – а затем расправиться с членами ГКЧП, как с «палачами собственного народа»! Конечно, он и прежде не исключал того, что его планы станут – а, может, и стали – известны Ельцину. Наверняка, российский президент уже припас Михаилу Сергеевичу «домашнюю заготовку». И если она была той самой, какой её представлял себе Генсек-президент, то для него этот ход «российской демократии» был смерти подобен. Политической смерти – в лучшем случае.

Ведь Ельцину оставалось лишь «отредактировать» сценарий Горбачёва – и переставить местами некоторые фигуры на доске. Теперь убирался Горбачёв – руками всё тех же гэкачепистов – а вся прибыль доставалась Ельцину: он и себя сохранял, и от Горбачёва с умеренными консерваторами избавлялся. «The winner takes it all!»: «Победителю достанется всё!» – как некогда пели участники популярного в СССР квартета «АББА», известного даже чете Горбачёвых.

Весь этот расклад Михаил Сергеевич знал и понимал. А ещё – применительно к Ельцину – он знал то, что «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Горбачёв знал то, что Ельцин знал его секрет... Полишинеля: спасти Михаила Сергеевича могло лишь одно средство. А именно: его противников – не ельцинистов, а горбачёвцев! – должно было поставить вне закона! Способ для этого имелся только один: умеренных консерваторов из ГКЧП «и политических окрестностей» надлежало спровоцировать на антиконституционное выступление, безопасное для Горбачёва и Ельцина, а, главное: легко подавляемое!

Здесь мыслям Горбачёва и Ельцина, до того работавшим параллельно и даже «в одной струе», надлежало разойтись в разные стороны. Оба президента с почти стопроцентной уверенностью могли сказать, как будет действовать контрагент в случае «проявления» ГКЧП. Горбачёв – и он не сомневался в том, что Ельцин... не сомневается в этом – как более изощрённый в политике человек, намеревался выждать, чтобы примкнуть к победителю... «в последний вагон отходящего поезда».

Да, себе Михаил Сергеевич мог признаться в этом: он не исключал вероятности того, что при определённом стечении обстоятельств ему придётся возглавить ГКЧП. Как сугубый прагматик, он не мог исключить вероятности того, что события выйдут из-под контроля не только их с Горбачёвым, но и самого ГКЧП. И не просто выйдут – зайдут много дальше того, на что рассчитывали и чего желали умеренные консерваторы из его окружения.

В таком случае, Михаилу Сергеевичу не оставалось бы иного выхода, как объявить о своей причастности к «подвигу ГКЧП» – и даже предстать перед народом в качестве вдохновителя и организатора погрома... родной дитяти «перестройки»! Неприятно – но всё лучше сюжета «всё учтено могучим ураганом». Тем более что «другу Борису» в этом случае не светило ничего, кроме сомнительных огней преисподней! Его, в любом случае, ожидала позорная отставка. Скорее всего – на тот свет. «За это можно всё отдать», как сказал бы Вильям Шекспир. (В переложении Михаила Сергеевича: «За это можно всё стерпеть!»). Всё – это и конец перестройки, и конец «самостийности», и «восемьдесят четвёртый год в девяносто первом», и многое другое)...

...Резко зазвонил телефон. Может, он зазвонил и не резко, а как обычно – но не для погружённого в мысли Горбачёва. Оттого и вздрогнул Михаил Сергеевич, будто застигнутый со своими мыслями «in flagranti delicti»: «на месте преступления». Рука его судорожно дёрнулась в направлении аппарата и буквально снесла трубку с рычагов.

– Да!

– Мы согласны взаимодействовать – и даже готовы поделиться информацией. Ну, чтобы работать... как, Гена?.. да: «в унисон»!

Верный безапелляционной мужиковатости, Ельцин даже не прикрыл трубку рукой – и Михаил Сергеевич отчётливо расслышал подсказку Бурбулис: сам Борис Николаевич с «унисоном» не был знаком. И ещё кое-что Горбачёв расслышал даже в трубку: запах перегара изо рта Ельцина.

И он не наговаривал «на непьющего россиянина»: сразу после совещания с «ближним кругом» и перед звонком в Кремль Борис Николаевич успел «остограмниться» – и неоднократно. Только Михаила Сергеевича задел за живое отнюдь не «нетрезвый визит» российского президента. В конце концов – эка невидаль: пьяный Ельцин! Увидеть и услышать трезвого Ельцина даже для семьи было редкостью! Куда неприятнее было то, что Ельцин предложил «делёж» информацией. И куда неприятнее это было оттого, что наводило на мысли. На нехорошие мысли.

– Ты сделал правильный выбор, Борис Николаевич.

Михаил Сергеевич постарался «дать себя в эфир» записным бодрчком и оптимистом.

– Что касается согласования планов... Завтра я отбываю на отдых. Во-первых – по плану, а во-вторых – теперь можно. Мы свою работу сделали, и, как говорят футболисты, мяч – на половине ГКЧП. Будем ждать их хода – и реагировать по ситуации. Я не думаю, что их шаги застанут нас врасплох – но, как говорится, всё может быть, а берёжёного Бог бережёт. Поэтому на связи с тобой я оставляю Крючкова. Не возражаешь?.. Ну, тогда до свидания, Борис Николаевич.

Ещё не положив трубки, Михаил Сергеевич почувствовал, как под ложечкой у него болезненно засосало от мыслей, «с возрастом» ставших ещё более неприятными. Значит, Ельцин готов поделиться информацией... С одной стороны – благородный поступок: не зажилил сек-

реты – а готов поделиться, не по-братски, так по-товарищески. А с другой: информация-то – о ГКЧП: что ещё могло заинтересовать Горбачёва!

Вопрос: откуда? Откуда у Ельцина информация, которой он может поделиться с самим Горбачёвым? С «самим Горбачёвым» – это не к вопросу «культы личности», а к вопросу значимости информации. Такую информацию о ГКЧП, которая могла бы заинтересовать Горбачёва, Ельцин мог позаимствовать... только у самого ГКЧП. Точнее: у одного или нескольких его членов.

Кто?! Кто – «стукач»? Кого пригрозил у себя на груди?! В минуты опасности для самого себя Горбачёв соображал мгновенно. Вот и сейчас за считанные мгновения Михаил Сергеевич не только «прошёл по вехам», но и успел оценить кандидатуры. Да и «узок круг их», как сказал бы Владимир Ильич. Никаких «тёмных лошадок»: известные всё лица. Лица членов ГКЧП. А эти лица, хоть в лицо, хоть с тылу, Михаил Сергеевич знал «вдоль и поперёк».

«Янаев? Тут и думать нечего: слаб, безволен, безынициативен. Такому не место в «стукачах». Бакланов? Тоже – нет, но уже с другой стороны: принципиальный, идейный, почти большевик. Такой не пойдёт на контакт с Ельциным, который для него, безусловно – идейный враг. Из того же «лукошка» – Шенин, одна из самых больших ошибок президента по линии кадров. Остаются четверо: Павлов, Пуго, Язов и Крючков.

Но и здесь, как будто, нет загадок. Павлов? Вряд ли: слишком большой чистоплюй, чтобы «продаваться» вторично: одного акта купли-продажи – Горбачёву – ему «за глаза» хватит. Пуго? Борис Карлович до сих пор шарахается от Ельцина, как черт – от ладана. Что тому причиной – чёрт его знает: может – личный момент, может – политический. В любом случае, Пуго не пойдёт к Ельцину не только в «стукачи», но даже в гости».

Горбачёв «вычеркнул» ещё две фамилии из списка «кандидатов в иуды». Теперь в нём оставались только обладатели больших звёзд: маршала и генерала армии. Михаил Сергеевич «внимательно пригляделся» к звезде с гербом – и удовлетворённо покачал головой: Язов был недостаточно гибок для того, чтобы прогнуться перед Ельциным. Да и кто его вывел в люди, как не Горбачёв?! Кем бы он был без Михаила Сергеевича?! Хотя...

Осенённый догадкой, Горбачёв наступил себе на мысль и «внутренний язык». И то: разве он не проделал то же самое и с Крючковым? Разве не извлёк он и этого человека из политического небытия? Ведь «извлечение» Крючкова состоялось не на безальтернативной основе: были и другие соискатели – и с такими же погонями, а то и «позвёздней».

Конечно, у Владимира Александровича имелись неоспоримые преимущества перед другими соискателями. Нет, не в профессиональном отношении: в личном плане. Крючков был многолетним сотрудником Андропова ещё со времён партийной работы – а это для Горбачёва являлось лучшей характеристикой. Да и Александр Николаевич Яковлев «лично рекомендовали» – а этому человеку Михаил Сергеевич верил даже тогда, когда для этого не было никаких оснований.

Да, объективно – в плане субъективных интересов Горбачёва – Крючков оказался наиболее приемлемой кандидатурой на пост «надзирающего за ЧК». Особенно – в сравнении с тогдашним Председателем КГБ Чебриковым, который не был человеком не только Горбачёва, но и Андропова. Как выходец из Днепропетровска, он мог быть только человеком Брежнева и «днепропетровского клана». Недаром в восемьдесят четвёртом, при выборах Генсека, он поддержал кандидатуру Черненко – и этого Михаил Сергеевич ему не забыл.

И, тем не менее: Андропов Андроповым, Яковлев Яковлевым – а решение-то принимал Горбачёв! Именно он сделал Крючкова генералом армии, Председателем КГБ, продвинул его в Политбюро – сразу членом, а не каким-то, там кандидатом! – ввёл сначала в Президентский Совет, а затем в Совбез. Порадел родному человеку, иначе говоря.

Но безоговорочной преданности от, казалось бы, «с потрохами своего» назначенца он так и не увидел. Внешне оставаясь «без лести преданным», Крючков оказался «дядей себе

на уме». А ведь ещё в конце прошлого года, ещё до мартовского заседания Совета обороны, который и создал ГКЧП, Михаил Сергеевич предлагал генералу «послужить стране» – в лице её президента – и взвалить на себя бремя «главного заговорщика».

Для начала Горбачёв попросил Крючкова активнее выражать неудовольствие политикой перестройки – и даже в меру критиковать её творца. Владимиру Александровичу надлежало, вызывая огонь на себя, стать знаменем оппозиции в высших эшелонах власти, с тем, чтобы эта оппозиция не стала неподконтрольной и неуправляемой.

Поначалу о «лаврах Азефа» и речи не было: Крючкову надлежало «всего лишь» информировать Михаила Сергеевича о настроениях Кремля, и в случае необходимости «регулировать градус», выпуская пар из рассерженных соратников в нужном – Горбачёву – направлении. Но после мартовского референдума и создания ГКЧП ситуация изменилась. Недовольство окружения Горбачёва начало выходить за рамки привычных намёков на желательность принятия строгих мер. ГКЧП стал не только задумываться о введении ЧП – но и всерьёз планировать мероприятия на этот случай.

Пока Михаил Сергеевич фигурировал в планах заговорщиков в качестве безальтернативного вождя. Из благородства – а больше из тактических соображений – ГКЧП решил «не выпячивать» Генсека-президента, чтобы лишний раз не подставлять его под удар «демократов». Для этого подключение Горбачёва намечалась только на заключительном этапе, после того как ГКЧП расчистит им обоим дорогу... ««зачистив территорию»».

Но, ас «закулисья и подковёрья», Горбачёв не мог полагаться на «чистоту помыслов» сомнительных «мастеров зачистки». Увы, в рядах «заговорщиков» имелись разные люди. И если в Янаеве, Павлове, Язове и Пуго он был совершенно уверен: «эти „тряпки“ не способны ни на какие решительные шаги» – то о других «авторитетах» этого сказать он не мог. Любой из оставшихся гэкачепистов: Бакланов, Шенин, Крючков – вполне мог «выйти за рамки». Что уже было говорить за «представителей второго плана»: высший генералитет Министерства обороны, Министерства внутренних дел и КГБ! Во взаимодействии с консервативными радикалами из всяких «фронтов», «платформ» и «союзов» они вполне могли сочинить другой сценарий развития событий. Тот, в котором Горбачёву отводилась совсем не та роль, что в планах умеренных консерваторов.

«Завербовав» Крючкова (рассчитав прибыль, Владимир Александрович даже не попытался играть в благородство), Горбачёв не стал отказываться от услуг и других «честных граждан». И не зря. Спустя очень короткое время президент с неприятным холодком в груди вдруг осознал, что о некоторых шагах ГКЧП он узнавал не от «штатного информатора», а от «третьих лиц». И пусть «третьими лицами» выступали практически все остальные будущие «заговорщики», вопросов о причинах молчания Крючкова не становилось меньше.

А ведь ещё совсем недавно «Володя» лично и ежедневно докладывал ему «свежайшую» информацию «из логова врага»: у КГБ даже в окружении Ельцина были свои люди. И пусть заслугой чекистов это было в гораздо меньшей степени, чем следствием закона номенклатуры: «каждый нормальный царедворец живёт не одним днем и не одним хозяином» – но порядок не нарушался!

И вдруг – просто «заговор молчания»! А тут ещё в одном из разговоров с Михаилом Сергеевичем, Ельцин, в пылу полемики и будучи на изрядном подпитии, не слишком уважительно «прошёлся» «по этому твоему агенту влияния – Яковлеву». Откуда это могло стать известно Ельцину, если информацию о контактах Яковлева с представителями западных стран начальник ПГУ Баршин и его заместитель Гроздов докладывали президенту с глазу на глаз, а бумага была составлена в одном экземпляре для Горбачёва?!

Может, «иуда» – Яковлев? Не впервой же: у нас числился коммунистом, за бугром – агентом влияния! Почему бы не изменить ещё раз?! И это уже не было лишь теоретическим предположением: из достоверных источников Михаил Сергеевич знал о том, что, дезертиро-

вав из КПСС, последнее время Александр Николаевич всё чаще «перебегал» на сторону Ельцина. А ведь «бегунцов от Горбачёва» там могли принять только при наличии «значительного вклада в торжество демократии». Таким вкладом могла быть только налаженная связь между Ельциным и западными миром. И обеспечить её лучше Яковлева не мог никто.

Но откуда Ельцин мог узнать о «второй и главной жизни» Яковлева?! Никто – и Ельцин в том числе – не мог знать об этом «по определению»! Контакты Яковлева, как с посольствами, так и с резидентурой ЦРУ, являлись исключительным достоянием Горбачёва и «подведомственного ему» КГБ. И никто из посвящённых не собирался «делиться Яковлевым» с третьими лицами!

Конечно, Яковлев имел, чем заплатить Ельцину «за место в первых рядах демократии». Его осведомлённость была широкой, но и она не распространялась на планы ГКЧП. В них Яковлева не собирался посвящать даже Горбачёв – что уже было говорить за таких «доброжелателей» Александра Николаевича, как Язов или Бакланов!

Значит – не он. Не Яковлев. А тут ещё Горбачёву стало известно о том, что Крючков, уже как член ГКЧП, привлёк к работе над прогнозом о последствиях введения в стране ЧП... Грачёва! Привлёк в качестве эксперта от Министерства обороны! Нашёл, кого привлечь! Это – то же самое, что поставить лису охранять курятник! Михаил Сергеевич уже знал и о визите Ельцина в Тульскую дивизию, и о «клятве верности» командующего ВДВ на пару с комдивом Лебедем. Таким образом, утечка информации из Министерства обороны к российскому президенту была налажена – и опять руками Крюčkова! Умышленно или нет – но руками Крюčkова!

Михаил Сергеевич мог подводить неутешительные итоги: Ельцин стал «правообладателем» как досье на Яковлева и Грачёва, так и самих «объектов права собственности». Случайность? Может быть... Только две случайности – это уже закономерность. Не отсюда ли проистекала странная «избирательность» Крюčkова в подаче информации? Не заделался ли Председатель КГБ хрестоматийным «двойным агентом»? А что такого?! Разве Ельцин не мог перевербовать его – и с тем же заданием: контролировать и ГКЧП, и Горбачёва, с немедленным уведомлением хозяина обо всех движениях «объектов»? Он, Горбачёв, полагал, что Крючков выполняет только его спецзадание как участник инсценировки путча ГКЧП – и совсем упустил из виду то, что этот профессиональный номенклатурщик вполне мог стать участником другой инсценировки: Ельцина!

В том, что Ельцин ведёт свою игру, Михаил Сергеевич не сомневался уже потому, что Ельцин не мог не вести своей игры. «По определению». Он, Горбачёв, будь на месте Ельцина, так бы и сделал: параллельно с участием в игре контрагента вёл бы и свою. От этих мыслей Горбачёву становилось не по себе: ведь совсем не исключался такой вариант, что участие Ельцина в его, Горбачёва, планах, было лишь маскировкой подлинных замыслов российского президента. Усыпляя бдительность контрагента видимым сотрудничеством, Ельцин мог преспокойно орудовать у него за спиной, почти не опасаясь разоблачения: «А что такого: готовлюсь к совместной борьбе против ГКЧП!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.